

О работе в издательстве «Географгиз» и новых путешествиях по СССР

<http://beta.oralhistory.ru/talks/orh-1635>

🗣️ 28 августа 2013

Собеседник

Родоман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 28 августа 2013 и опубликована 29 августа 2018.

Введение

В девятой беседе Борис Родоман продолжает подробное хронологическое описание своей жизни. На этот раз географ и путешественник рассказывает о том, как после окончания геофака МГУ в 1955 году стал работать в издательстве «Географгиз». Родоман приводит множество историй из внутриредакционной жизни, в которой он проявил всю свою оригинальность: пил женское молоко, боролся с плохим запахом из фрамуги и неисправно работающим телефонным коммутатором. Поступив в аспирантуру, он покинул штат издательства, и это событие, отмеченное «филадельфийскими бутербродами» и водкой, надолго осталось в памяти сотрудников. Вторая часть беседы — его рассказы о поездках в годы аспирантуры: Тянь-Шань, Эльбрус, Средняя Азия и Полярный Урал. После окончания аспирантуры Родоман вернулся в издательство, где продолжил работу. Из-за технического брака беседа публикуется без видео.

Начало работы в «Географгизе»

Юрий Вадимович Самодуров: У нас сегодня 28 мая 2013 года. Ну вот, очередная встреча с Борисом Борисовичем Родоманом. Будем продолжать...

Борис Борисович Родоман: Очередная встреча из серии бесконечных встреч, которые... до конца которых я вряд ли доживу. С такой скоростью... ну что поделаешь. Вот. Мы остановились на 1955 годе, когда мы вернулись из колхоза и наконец-то приступили к работе в родном издательстве, «Географгиз», Государственном издательстве географической литературы, основанном Николаем Николаевичем Баранским. В это время...

Ю. С.: Незадолго до того, наверное, да?

Б. Р.: Незадолго до того. Ну, а может быть, и задолго. То ли в 46-м, то ли в 48-м году. Скорее всего, в 46-м году, когда была спущена директива поднимать приоритет России, в том числе в географических открытиях. В России все было изобретено: и паровоз, и «Россия — родина слонов», и не нужно забывать о подвигах наших землепроходцев, первооткрывателей. В общем, Антарктиду русские открыли... и так далее. Этим была открыта большая дорога для географической литературы разного рода. Была серия «Путешествия, приключения, фантастика», прекрасная серия. И даже труды Рокуэлла Кента и Джека Лондона у нас издавались. Ну а у меня была литература другая, научная литература. С первого же дня работы в издательстве я был посажен на мое любимое дело: на редактирование научной литературы.

Ю. С.: А много помимо вас редакторов работало?

Б. Р.: Много работало, их там сидело человек пятнадцать в одной комнате.

Ю. С.: На научной литературе?

Б. Р.: Всяко. Дело в том, что у нас не было разделения на литературных и научных редакторов, как в некоторых издательствах. Поэтому все кустарно, с божьей помощью, делали, в общем, что хотели и что умели. Издательство выглядело патриархально, весь редакторский состав помещался в одной большой комнате. Но было немало других комнат, где сидели прочие: корректоры там и всякий другой персонал, машинистки, секретарши, директор. Главным редактором был географ Юсов, который написал какую-то брошюру о какой-то стране (о Тибете. – примечание Бориса Родомана). Он был трусливый и осторожный человек, всего боялся. Но человек, в сущности, добрый. Но когда речь шла о том, чтобы чего-то побояться, или там чего-то, то тогда он, конечно, мог и предать, и, в общем-то, стушеваться. Ну, это понятно. Директором у нас был добрый мужик по фамилии Бурлака. Это фамилия сибирская. Вот. Не надо говорить Бурлака, как сейчас многие думают. Это родительный падеж. Сибирская фамилия. Отвечает на вопрос «чей?» И дочь у него была, Надя Бурлака, хорошая. Это был добрый человек, который прекрасно понимал, что он особенно не смыслит в работе этих редакторов, поэтому он им полностью доверял. Это был такой человек, который мог быть директором и бани, и банно-прачечного комбината — чего угодно. Он из номенклатуры. Видимо, ему за что-то положена была вот такая должность. Он руководил этим маленьким издательством. Вот. Ну, и я ничего плохого о нем сказать не могу. Обстановка была такая теплая. Я пришел туда как уже известный, так сказать, ученик Николая Николаевича Баранского. Ко мне уже все относились очень... очень с большим почтением. И никто почему-то не сомневался в том, что как же мне можно с первого же дня уже давать редактировать географическую литературу. Но это еще не все. Несколько пунктов удивительных. Первый: в должности я был, правда, младшего редактора. Мне еще нельзя было давать должность редактора с окладом сто двадцать рублей, а нужно было с окладом (ну, тогда это было тысяча двести). Значит, это было еще до 61-го года. Значит, нельзя мне давать оклад тысяча двести и звание просто редактора, а старший редактор там тысяча триста и так далее. Вот. А, ну, назначалось за восемьсот восемьдесят, младшего редактора. Так, я в течение года был младшим редактором за восемьсот восемьдесят. Но обязанности у меня были настоящего редактора — и литературного, и научного. Но это еще не все. Одной из первых книг... ну, первой моей книгой была брошюра некоего Хижняка, которая называлась «Нижнее Приднепровье». Вот. Она была проста по своей структуре. Это было экономико-географическое описание. Оно начиналось... каждая там глава начиналась такими словами: «Больших успехов достигло хозяйство такого-то, такого-то района за годы советской власти. Построено того, того, того, столько-то там заводов, столько-то таких-то фабрик, столько-то такого».

” Умалчивались, конечно, главные отрасли нашей страны в военно-промышленном комплексе. Экономическая география была... писалась и преподавалась таким образом, как будто этой отрасли вообще не существует.

Как можно было это скрыть? Так вот мы без этого и жили. И так и преподавалось. И экономические районы тоже строились, видимо, с таким видом, как будто этого не существует. Как хотите — так и понимайте. Дальше, все это строилось по шаблону. И я, конечно, старался искоренять общие места, потому что того, что есть везде, в географии не должно быть нигде. Поэтому я жестоко убирал повторения и те места, где само собой подразумевалось, что, вот... ну, в каждом у нас населенном пункте есть средние школы, есть клубы, есть библиотеки, особенно тогда. В советское время все было очень стандартно. Поэтому такие вещи я убирал. Конечно, я следил за языком, чтобы не было повторяющихся слов: «является», «характеризуется». Я их выявлял очень просто. Я их подчеркивал цветным карандашом. После того, как подчеркнешь цветным карандашом, увидишь на одном машинописном листе двенадцать раз слово «является». Потом если автору покажешь — он в ужас придет. Но, конечно, согласится. Ну, я их и убирал. Вот, по сути дела, многие книги стали написаны моим языком. А специфика моего языка состоит как раз в том, что там нет этих глаголов. <нрзб> очень употребляется местоимение «это» часто, и другие особенности. Но это была проба. А дальше после этого вскоре... ну, у меня есть список книг, которые я редактировал. Вскоре ко мне поступил сборник «Вопросы географии». Вот, это был мой любимый жанр литературы. Значит, сборник «Вопросы географии». Это серийное издание, тематический сборник. И мне поступил на редактирование вот этот сборник, «Вопросы географии». Тема его — «физико-географическое районирование».

Ю. С.: Прямо ваша любимая.

Б. Р.: Да. И в нем была опубликована моя статья, она же дипломная работа, которую я писал специально для публикации в этом сборнике. Сборник «Физико-географическое районирование». Физико-географы нельзя сказать, что меня любили, признавали. Я же был с кафедры экономической географии. Но председателем редакционной коллегии был Николай Николаевич Баранский. А также Юлиан Глебович Саушкин был членом этой редколлегии. Поэтому, значит, возражать никто не собирался. Еще, правда, и Петр [Никитич] Бурлака, директор издательства, тоже был в редколлегии. Но так ему положено по чину. Кроме того, один из ответственных редакторов этого сборника, Николай Иванович Михайлов, — я с ним был в хороших отношениях, я ходил слушать его лекции по физико-географическому районированию. Хотя сам Баранский мне говорил: «Что вы там слушаете эти лекции? Это же все ерунда». Но тем не менее, я возразил, что это не ерунда, это мне полезно. И вот, значит, этот сборник, «Физико-географическое районирование». Моя работа. Посвящен он был Ивану Семеновичу Щукину, геоморфологу. Хотя тогда он был еще не очень стар. А прожил Иван Семенович Щукин сто лет. Он родился в 1895-м, а умер в 1995-м.

Несмотря на то, что он был горбатым, у него был сломан позвоночник, говорят, потому, что ему на шею прыгнула очередная молодая жена, тем не менее, он прожил сто с чем-то лет.

После того, как он прожил сто лет, он выполнил свою задачу и в течение года он умер, как и почти все люди, которые доживают до ста лет. Вот. Хотя у нас Мария Альфредовна Глазовская уже перешла через сто один год. Несколько у нас было географов[-долгожителей]. Так вот, одной из первых в этом сборнике была моя статья. Значит, надо мной не было никого: я все писал как хотел. Значит, это парадокс. Эта самая первая в моей жизни научная статья была и самая большая по объему. Никогда с тех пор мне не удалось опубликовать статью большего объема, чем эта, самая моя первая статья. Много было парадоксов. Я делал с ней что хотел. Там были карты, сделанные на вклейках. Эти карты... ведь вы не представляете, как тогда готовились карты. Для них же делались клише. Клише — это были деревянные бруски, на которые наплавлялся рельеф из гарта — типографского металла. То есть это были рельефные вещи из металла. Но, Юра, ты-то, надеюсь, это знаешь, что была раньше высокая печать? Или ты ничего этого не знаешь?

Ю. С.: Ну, как-то смутно.

Б. Р.: Ну, значит, так. Ну, как готовился текст? Для текста отливали строки из гарта, из типографского металла, самый легкоплавкий металл, смесь олова с цинком¹. Вот. И был линотип или монотип. Монотип — это каждая буква отдельно отливалась, потом она складывалась. Полуавтоматически в строки. Монотип. А линотип — это отливали строки целиком. А потом уже это все правил корректор. И опять все это заново отливалось, все это отливалось... каждая иллюстрация — это свинец, это олово. И все это было сделано для моей статьи, как и для других статей. Дальше, такой парадокс. За эту статью я потом получил гонорар. Дело в том, что это был последний год в нашей стране, когда за научные статьи платили гонорары. Это была такая практика. И там написано даже в конце, по-моему, кто сколько получил, в оглавлении. Ты посмотри, нет ли там этой надписи?

¹

По-видимому, оговорка: обычно в типографском деле используется сплав свинца, сурьмы и олова.

Отлитая линотипная строка. Источник: wikipedia.org

Ю. С.: Есть, есть.

Б. Р.: Ну вот. Я получил не больше, но и не меньше средней, конечно.

Ю. С.: Да, тысячу пятьсот...

Б. Р.: Это за лист, за лист. А за три листа гораздо больше.

Ю. С.: А-а...

Б. Р.: А у меня почти три листа. Если я получил тысячу пятьсот, значит, получил около четырех с половиной тысяч. На последующие деньги — это четыреста пятьдесят «хрущевско-брежневских» рублей. Это немало. Сейчас никогда ничего подобного ты не получишь. И вот когда я получил этот гонорар, я купил на него две вещи. Первая — это толстое ватное пальто. Тогда носили пальто, шапки... на шапку уже не хватило. И второе — это пишущую машинку «Москва», которая служила мне верой и правдой до позапрошлого года. В позапрошлом году я отдал ее одной из старых женщин, своей приятельнице, которая хочет на старости лет писать мемуары, но компьютером не владеет. У меня дома еще осталась машинка, кажется, «Оптима», большая пишущая машина. Есть у моей жены еще пишущая машинка. У нас их хватает. Последний раз, по-моему, в 10-м году пользовался пишущей машинкой, когда находился вне дома. Вот. Ну...

Ю. С.: Какой-то отклик был на эту статью, нет?

Б. Р.: Да, был немножко среди географов там, кто-то... дело в том, что мой термин — «индивидуальное районирование» — он вошел в науку. А так больше никакого особенного отклика не было. Но интересно, как тогда все было известно. Я потом проследил, куда попал этот сборник. Оказывается, о каждом экземпляре книги имелись же сведения, куда он был направлен. В какой город сколько экземпляров пошло. И составил карту методом кружков, кружки красные, пропорционально числу экземпляров. Там два экземпляра в Южно-Сахалинск пошли, сколько там пошло в Душанбе, сколько там в Свердловск, сколько в Новосибирск...

Ю. С.: Ну, тираж две тысячи — довольно приличный.

Б. Р.: Да. Сейчас это никому и не снится, такие тиражи. Этот тираж считался маленьким, как раз для научной литературы. Сейчас научная литература — тираж триста экземпляров, как правило. Сейчас бы такое издали тиражом триста. Причем, боюсь, что и триста бы не издали. Так вот, эту статью я же переиздал: в 2007 году она тоже вошла в этот сборник. Я переиздал ее, она тут есть. Конечно, здесь мы немного упростили карты, вклеек тут нету, конечно. А я, так сказать... и все меня слушались. Не были моими подчиненными ни картографы, ни корректоры. Все они моих указаний слушались, делали то, что я им говорю. У нас очень были хорошие картографы: они могли делать наглядные карты географические скучными средствами. Потому что искусство заключается в том, что можно немногими средствами достигать многого. Несколько штрихов... бумага была не глянцевая, печать была не офсетная, не нынешняя. Вот. И тем не менее, они с помощью штрихов там других вещей достигали наглядности хорошей географических карт, этого качественного фона. Конечно, я не мог сделать

в статьях цветные иллюстрации: их никогда не было, и сейчас нет. Хотя, сейчас технически это возможно. Но, тем не менее, я издал свою первую работу научную, которая была, как я уже сказал, объемом три и одна десятая авторских листа. И с тех пор никогда не печатал статью такого крупного объема.

Дальше, значит, я редактировал разную литературу. Эти книги у меня тут лежат за спиной, но проще посмотреть список книг, которые я редактировал. Вот в этой книге — моей книге «Территориальные ареалы и сети» есть приложение. Там написано, сколько я... какие книги редактировал. (Листает книгу.) Но преимущественно, это были книги научные.

Ю. С.: Какие-то из них запомнились вам по какой-нибудь причине?

Б. Р.: Ну, все запомнились! Их же было мало. Значит, так. Вроде, для редактора уже существовала какая-то норма. Но интересно, что в те годы она еще не сложилась. Я работал в «Географгизе» с перерывом лет пять. Вот. До аспирантуры и после. И вот, за эти пять лет я отредактировал очень мало книг. Очень мало. Потому что я делал это не спеша. Всего двадцать три.

Ю. С.: Действительно, немного. И начальство это как-то принимало?

Б. Р.: Да, начальство это принимало. Не было у меня никаких... Значит, первая моя книга была — Хижняк «Нижнее Приднепровье». Ну, такая жалкая брошюра. Дальше. «Физико-географическое районирование» — это уже вторая моя книга. Она вышла уже в 56-м году. Меня в 55-м году в издательство распределили, я приступил к работе в сентябре 55-го. В 56-м году уже это вышло. Вот эта вот книга. Вот эта — «Физико-географическое районирование». Летом-осенью 56-го года. Нормальный срок. Дальше. «Таджикская ССР: экономико-географическая характеристика». Эта книга — двести двадцать восемь страниц.

Ю. С.: Ну, автор — это был Таджикистан, или все-таки нет?

Б. Р.: Очень интересный вопрос. Автором... авторов было два. Один автор был русский, а другой был таджик. Таджикский был академик по фамилии Нарзикулов. Я сразу же сказал, что автора этого я не хочу ставить, потому что он на самом деле, не написал. Понятно, что писал за него другой автор. Наш. Я забыл его фамилию... не, Чумичов, кажется. Ну вот. И тут я даже устроил небольшой скандал. Но тут, конечно, меня «переломили» и, понятно, я был никто в этом отношении. Но опять же никто меня не преследовал. Сказали, что, в общем... и сам автор, в общем, мне объяснил, что иначе нельзя. Нельзя иначе. Но зато он мне подарил свою книгу с надписью «Борису Борисовичу Родоману, честному и мужественному». Вот. За этот вот небольшой скандал. Надо посмотреть эту книгу, «Таджикская ССР». Она у тебя за спиной, посмотри там ее. Вторая полка сверху в шкафу, посмотри. Чтобы мне туда не бегать. И мы увидим эту надпись. Она должна быть синей... синий переплет, золотые буквы на корешке. Синий переплет.

Б. Р.: Да, ну, в общем, что-то вот в этом роде было. Это была так называемая синяя серия.

Ю. С.: По республикам была, да?

Б. Р.: Да. По республикам. Для РСФСР, конечно, очень толстая. Записывается, что я говорю?

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Ну ладно, в общем, оставим: потом мы с ней разберемся...

Ю. С.: Да, да, хорошо.

Б. Р.: Разберемся потом.

Ю. С.: Ладно.

Б. Р.: Тут, конечно, может быть, я... что-то у меня в памяти, конечно, есть, какие-то смещения. Потом, значит, так. Да. Дальше, Гвоздецкий «Сорок лет исследований и открытий». Это об открытиях географических, которые были в СССР. С 17-го года по 57-й. К сорокалетию Октября. Много интересного там. Ветренный пояс был открыт, Арктика, остров Врангеля... там так все... Новые, Новосибирские острова, остров Визе и так далее. И много других там в пустынях чего нашли. Я тоже делал это с удовольствием. Потом опять «Синяя серия», Лаздынь, Пурин «Рига. Экономико-географический очерк». Дальше у меня уже был уклон в сторону Прибалтики, потому что я особенно любил редактировать книги, касающиеся Литвы, Латвии, Эстонии. По понятным причинам. Мне с удовольствием эти книги давали.

Ю. С.: А по каким таким «понятным причинам»?

Б. Р.: Ну, потому что я любил эти страны и понимал, что они рано или поздно добьются независимости. И потом, я же туда любил ездить. Я всего в Эстонии был раз четырнадцать потом, впоследствии, в связи с командировками и всякими вещами. Вейс, Пурин «Латвийская ССР: экономико-географическая характеристика». Надо сказать, что и Вейс, и Пурин, возможно, были не настоящие латыши с точки зрения латышей, а те, которые родились в СССР, или были посланы туда, чтобы там устанавливать советский режим. Захарова, Тугаринов «Таджикская ССР», ага...

Ю. С.: А вот работа редактора — все-таки расскажите чуть-чуть?

Б. Р.: Работа редактора для меня состояла в том, чтобы, во-первых, язык исправить. Во-вторых, проверить разные цифры. В-третьих, чтоб была унификация, чтоб аналогичные вещи, цифры, сокращения были унифицированы, написаны однообразным образом. В-четвертых, проверить библиографию, иногда для этого приходилось в библиотеку...

Ю. С.: Вы даже цифры проверяли?

Б. Р.: Ну конечно, иногда я проверял, если была возможность. «Качественный учет и оценка земель» — вот это вот уже... это какой год у нас? Уже 58-й. Это кадастры, земельные кадастры. В этом сборнике было огромное количество таблиц. И все эти таблицы я перерабатывал, потому что часто авторы давали таблицу, а без нее можно было обойтись. И сейчас тоже

же вы увидите везде в интернете огромное количество «ложных» таблиц. То есть таких... такой информации, которая не нуждается в табличной форме: ее можно короче выразить несколькими фразами. И во фразах поставить цифры. А люди дают это в виде таблиц. Потому что таблица должна быть оправдана: есть определенные причины, по которым текст группируется в таблицы. А есть такие, когда этих причин нету. Люди этого не понимают. Иногда наоборот нужно было текст переделать в таблицу. В таблицах были головка, боковик, они отделялись, как правило, двойными линейками, или как-то там, в общем...

Ю. С.: Борис Борисович, а кто вот вас учил этой редакторской... премудрости?

Б. Р.: Никто, я сам это... сообразил в этом отношении. А потом нас послали на курсы. Но там не это нам читали. Вот. Осенью того же года нас послали на курсы повышения квалификации. Курсы эти в своем названии заключали двадцать одно слово: «Курсы по повышению квалификации работников... того, того, и телевидения, и радио... радиовещания, и телевидения, и чего-то еще там». Вот. У меня все это где-то записано. Все записано. Если б я сейчас имел под руками весь этот архив <нрзб> жалеть. Вот, и мы туда ходили, начали там слушать лекции. «Горький как редактор» там... там «Твардовский как редактор», чего-то еще. В общем, все. Мне это надоело, вот. Но единственное, что я там усвоил хорошо, — это правила корректуры. Я хорошо научился корректурным знакам. Никто из авторов сейчас этого не знает.

И сейчас, когда я издавал свои книги, когда я пытался с помощью корректурных знаков править текст хотя бы своей книги, «Центральной России», у меня ничего не получалось, потому что нынешние люди не знают этих знаков и знать не хотят. Они ничего этого не понимают.

Мы с Мишей Сигаловым издали три издания книги «Центральная Россия». И Миша Сигалов стоял над этими редакторами и совал им сторублевые... стодолларовые купюры, потому что книга эта, по сути дела, издана за его счет. Гонораров там нам дали меньше, чем проститутки за один час получают, за двадцать лет работы. Ну, это неважно. И все равно, они не понимают того, что от них требуется. Потому что сейчас людей принимают на работу... сейчас нет профессионалов и специалистов, а человека принимают на работу по знакомству. Ему дают рабочее место, его сажают. Он спрашивает: «Что мне делать?» Ему говорят. Потом опять спрашивает: «Что мне делать?» Ему говорят. И таким образом постепенно учится. Ну, а предполагалось, что все-таки в старое время человек приходит на работу с запасом. Какой у меня был запас? У меня был запас грамотности, конечно, со времен средней школы. Кроме того, я, когда читал всякую литературу, я обращал же внимание на все: не только на то, что написано, но и на то, как это написано, и как это расположено, все, вплоть до шрифта, все же это я усваивал. Так что конкретное знакомство с конкретными книгами мне помогало тоже в моей работе. Ну, эти курсы я перестал посещать, никто меня не ругал за то, что я перестал на них ходить. Никакого диплома я от них не получил. Но когда у нас был конкурс на лучшее литературное редактирование — к нам кто-то приходил — то я был на первом месте. Всегда. Анонимно все это подавалось, но, в общем, я был на первом месте. Именно по «отжиманию воды». Но дело в том, что иногда, когда «отожмешь воду» до такой степени, что вообще ничего не остается от текста. То есть он весь остается лишним. Но это уже пинок в сторону советской идеологии. Потому что именно такие вот идеологизированные тексты часто оказывались... такими, в сущности, пустыми.

То есть они напоминали советскую дешевую колбасу, которую можно есть в холодном виде, но при попытке ее подогреть она на сковороде испарялась. Странно было. Ну как же так? Она же существовала, мы собирались ее жевать...

И вот, аналогичные истории у нас происходили с книгами. Дело в том, что вот эта вот книжка «Таджикская ССР: экономико-географическая характеристика»... а, нет, здесь сейчас еще одна была брошюра, по-моему, на эту тему, тоже о какой-то республике. Дело в том, что к сорокалетию советской власти, к 57-му году, была издана серия брошюр по разным республикам, картонные брошюры. И вот директор по простоте душевной сказал: «А зачем нам для каждой республики писать текст? Мы давайте составим один общий текст и будем туда подставлять только данные». С одной стороны, он был прав: именно так они и составляли книги. Но, с другой стороны... ну, в общем, я тоже возмутился, и кончилось тем, что меня отстранили от этого. Ну, не отстранили, согласились, что я этим заниматься не буду. Потому что это, так сказать, противоречит моим представлениям. Ну вот, как видите, со мной в издательстве церемонились. Ну вот, сейчас какие еще были книги? «Таджикская ССР» Захаровой, Тугаринова. Видимо, меня считали уже специалистом по Таджикистану. «Вопросы географии», «Качественный учет и оценка земель», «География городских поселений» — тоже в «Вопросах географии». Дальше — Галактионов «Бурятия: очерк природы». Козлов «Советские субтропики». Советский Союз очень гордился своими субтропиками: у нас же их было мало. Но и так, если как следует их найти, то они находились в Крыму, на западном побережье Кавказа. В Колхидской низменности, в Батуми, в Ленкорани и немножко на юге Туркмении. Звонкова «Изучение рельефа в практических целях». Никольский «География транспорта в СССР». Вот это была очень толстая книга, написана профессором Никольским. Профессор Никольский был на геофаке. В общем, конечно, трудолюбивым профессором, но он был неинтеллигентного происхождения, и возможно, что он как-то сделал свою карьеру в 30-х годах тем, что с помощью доносов там, конечно, кого-то потеснил и куда-то выскочил. Но писал он очень плохо. Я очень много работал над его книгой. Я в то время был внештатным редактором, потому что я был в аспирантуре. Я получил за эту работу деньги. Я мог бы сделать это быстрее, но я делал это не халтурно. Сколько там фактов нужно было проверять, сколько... А эта книга потом выдержала еще одно издание. Сейчас о ней вспоминают, но меня никто не вспоминает. Никто даже не догадается

заглянуть на последнюю страницу, где написано, кто был редактором книги. Большинство людей совершенно этим не интересуется. Наше имя всегда ставится в конце.

Дальше «Природное и сельскохозяйственное районирование СССР». Потом, Забелин «Физическая география и наука будущего». Это уже 63-й год. Вот. Не 55-й, когда я поступил, а восемь лет спустя. Всего «брутто» я был в «Географизе» восемь лет, а «нетто» — немножко меньше. Из этих восьми лет надо отнять три года очной аспирантуры.

Ю. С.: Борис Борисович, а вот обычно считается, что работа редактора — ну, это такая, чисто техническая, довольно скучная... ну, для людей, которые на большее, в общем, не претендуют...

Б. Р.: Ну, сейчас этого уже нету. Сейчас без этого обходятся.

Ю. С.: Ну, сейчас вообще без этого обходятся. Но все-таки раньше это была... ну, скажем так, работа людей, которые... ну, не смогли стать научными сотрудниками по каким-то причинам. Вот вам скучно было?

Б. Р.: Я... у меня... я не мог стать еще научным сотрудником. Я им потом стал. Я не мог стать еще, потому что я не был комсомольским работником и агентом КГБ. Поэтому меня нельзя было направить в аспирантуру. Но все понимали, что я молодой ученый и что мое будущее в науке. Это понимали даже в издательстве. И для меня это была прекрасная школа, потому что через меня, в качестве авторов статей, прошли десятки больших ученых. Среди них был и С. В. Обручев, и многие геологи были, которых, возможно, ты знаешь. Мы всех их можем найти их имена там.

Ю. С.: То есть вам эта работа много дала? Смысл моего вопроса: вам было это не скучно...

Б. Р.: Нет.

Ю. С.: ...и вам эта работа...

Б. Р.: Нет, меня это увлекало, эта работа. Мне она была приятна.

Ю. С.: И она вам это много дала?

Б. Р.: Да, конечно, много дала. Я о многом получил представление. Причем, это не значит, что я все это помню, но это откладывалось во мне, конечно. Теперь, что еще было с некоторыми монографиями? Вот например... (Листает)... Да, потом, когда издательство наше вошло в издательство «Мысль», вот там... ну, я тоже продолжал там свою работу. Ну, мы еще потом к этому придем. И вот... Я, например, считаю своей заслугой, что в 57-м году в книге Ростовцева и Тармисто «Эстонская ССР» я убрал слово «Эстонская ССР» со всей книги, кроме заглавия, аннотации и предисловия. И везде писал только «Эстония». Это было даже замечено начальством. В 57-м году. Ничего! Ну, книга же уже вышла, что ж скандал устраивать? Я думаю, что эстонцы мне за это «спасибо» не сказали, потому что сейчас там другое поколение людей. И этих вот, и Ростовцева, и Тармисто они сейчас ни в грош не ставят, потому что это были коммунисты, в общем, и посаженные Москвой люди, и, я думаю, о них сейчас никто не вспоминает. Я боюсь, что эти книги они уже давно выкинули на свалку. Они их не уважали. Но я-то с любовью к Эстонии все это тоже делал! Я же убирал оттуда всякую чушь, всякие разговоры о том, что там при советской власти стало больше школ там, чего-то такое... какая-то чушь, образование, все это... я все это убирал и оставлял только местные особенности. Насколько это было возможно. Конечно, Эстонию я очень любил, я же впоследствии и раньше туда ездил, вот. И вот я считаю своей заслугой, что я убрал слово «Эстонская ССР». А у них навязчиво было все. Все это: «ССР, ССР, ССР...», два «С». «Эстонская ССР». Вообще меня это раздражало, когда «В Эстонской ССР идут дожди», «В Эстонской ССР такая-то тектоника», «В Эстонской ССР там так сказать, какие-то, может, литосферные плиты...»

Ну какое дело этим литосферным плитам до ССР, в общем? И когда эти «дожди» идут в республиках Прибалтики. Дожди не в республиках идут и не в монархиях.

Ну и так далее, в общем, вот в таком вот духе. Так что, я старался как мог.

И, конечно, это все осталось никому, собственно, неизвестным и никого сейчас не интересует. Но сейчас мы должны все-таки вернуться к хронологии, потому что речь идет о 55-м годе. А что было дальше? У меня еще есть список моих путешествий, который поможет мне... немножко ориентироваться в том, где я бывал и что я делал. Мое пребывание в «Географизе» состояло не только из работы... Я старался... меня... во-первых, я на работу с самого начала не являлся вовремя, со мной вели борьбу, борьбу вели как с человеком, который нарушает трудовую дисциплину, опаздывает... борьба была вялая. Со мной вели борьбу... у нас была такая Раечка — тупая такая девица, но ее обязанность была такая, следить за тем, чтобы переставляли... у нас на гвоздях висели... номерки, знаешь это, да?.. Приходящий на работу должен переставить. Ну конечно, со мной всегда были недоразумения, когда я опаздывал и даже коллеги стали график составлять, на сколько дней, то есть на сколько минут, я в какой день опоздал. График этот неуклонно рос вверх. Потом по возможности меня осаживали после какого-то такого и график... опять эта кривая снижалась, но потом постепенно она поднималась вверх. Опоздания мои достигали и полчаса, и час, часов все больше и больше. Потом у нас были дни работы дома, и иногда можно было, никого не спрашивая, записаться в книгу — работа дома.

Собственно говоря, творческой работой можно только дома заниматься. А что на работе? На работе, в основном, была трепотня, люди болтали без конца друг с другом, потом они говорили: «Ну, давайте же помолчим, поработаем». Потом опять... в общем, мужчины, женщины, глупо все это выглядело, очень глупо, когда все сидят в одной большой комнате.

Потом, я много злоупотреблял телефоном для личных разговоров, у меня дома телефона не было. У меня до восьмидесят примерно первого года не было домашнего телефона. До войны у нас был телефон, даже помню его номер И1-77-99, потом, во время войны телефон и радиоприемник отобрали, но, потом, не восстановили. Я как-то не особенно этого хотел. Когда жил в коммунальной квартире на проспекте Мира вплоть до семьдесят какого-то года не было у меня там телефона личного. Без этого я обходился, а на работе я вовсю трепался, в том числе и с девицами по телефону и довольно громко... голос у меня громкий, пронзительный. Потом, всячески мы там развлекались с моим приятелем Любимовым, который был гораздо менее грамотен, чем я, но его распределили на работу в издательство МГУ сначала, и там он редактировал учебник математики. Ну совершенно невероятно, ничего не поделаешь, если человека распределили. Не знаю, авторы это как-то терпели, и куда было деваться, но он, видимо, не испортил все-таки этого учебника, авторам доверял. А потом у нас работал, но не помню в какие годы. Мы развлекались тем, что занимались общественной работой. Мы занимались общественной работой, которая была по возможности далека от коммунистической партии, от политики. В МГУ все мы были общественными контролерами столовых. Но здесь мы тоже очень хотели, по-моему, одно время мы были общественными контролерами столовых, мы делали контрольную закупку, а потом разоблачали недoves и чего-то еще... разоблачать было приятно. Я сейчас, рассказывая об этом, касаюсь разных лет работы в издательстве, многого не помню, когда было. Но я думаю, это небезынтересно. Потом мы с чем боролись? Мы боролись с пищевыми запахами, которые проникали в наше помещение, из столовой к нам проникали пищевые запахи.

Ю. С.: Ну как с ними можно бороться?

Б. Р.: Мы писали письма... Как? Мы писали письма в ВЦСПС, в горком, получали ответы, потом продолжали писать письма, вот так. Дальше, мы боролись с запахомдохлого голубя, который попал во фрамугу и там протух. Фрамуга — это в толстой кирпичной несущей стене такая в виде лабиринта отдушина, через которую проникает воздух. Очень хорошо было, чтобы проветривать помещение — не надо было открывать окно, форточку, надо было только открыть фрамугу. Но в нашу фрамугу голубь залетел и подох там, мы боролись.

Ю. С.: А достать нельзя было?

Б. Р.: Нет, надо ж кого-то вызвать, чтобы кто-то достал.

Ю. С.: Тоже писали письма?

Б. Р.: Да, да. Конечно, писали... писали, что-то есть у меня, есть... сочинение.

Ю. С.: Ну, вообще это похоже на что-то такое сумасшедшее...

Б. Р.: Ну, почему бы нет... вот, ничего... ну и людям это нравилось... окружавшим, как-то юмор вносило в обстановку. Теперь, у нас в газете, вообще... в нашем издательстве вообще юмор существовал. Туда же приходили художники, которые в последствии даже прославились. Вот один по фамилии Жутковский вот, может, знаешь такого?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Ну вот, видишь, тоже они начинали у нас обложки рисовать. У нас было много забавных историй и можно их без конца рассказывать. Например, редакторы коллекционировали разные фразы, которые были у авторов. Например: «Коровы стояли по пояс в воде». По чей, собственно, пояс они стоят? Ну, таких было масса случаев. Потом, какие у нас были там... да, теперь истории с телефонной станцией, с коммутатором, возможно что это уже было в поздние годы, когда мы влились в издательство «Мысль», «Географиз» был ликвидирован и вошел в издательство «Мысль». О нем расскажу еще отдельно. И вот в этом издательстве «Мысль», уже когда мы работали, у нас был коммутатор... добавочный... вот, он еще очень плохо работал и это наконец вывело нас из себя. И я, и Игорь Любимов по поручению всего коллектива, но, взбесившись, доведя себя до белого каления, примчались на эту станцию устраивать скандал.

И нас встречает такая хорошенькая блондинка, такая очаровательная красавица, которую мы никогда не видели. Мы сразу поджали свои хвосты, мы предали интересы общества, предали.

Она нам все объяснила, в чем дело, и мы вернулись ее полными сторонниками. Это, конечно, было смешно. Потом, у нас была газета, которая называлась «Нумизмат, филателист, бонист». Дело в том, что у нас в издательстве была организована первичная организация общества филателистов. Мы имели на это право, у нас же было много разных обществ. Но оказалось, что эта первичная организация в силу талантливости ее участников начала вырождаться во что-то другое. Ну, видимо, в какой-то клуб такой, в общем, нелегальной литературы... что-то такое. У нас появилась стенгазета замечательная, в центре

ее был профиль женщины, девицы голой, конечно, с тугой грудью. Дальше были такие разные слова... телеграммы: «Без рукописи — как без рук и писи»... вот тому подобные вещи. И чем это кончилось? Кончилось, конечно, разборкой в партбюро. Газету конфисковали, партбюро ее забрало, одна половина пропала, другая где-то сохранялась. Может у моего друга Любимова, но он же тоже умер... давно. Много такого интересного. Потом у нас была такая сексуальная история. Был у нас такой редактор Коновалюк — член партии, член КПСС, он только что женился на женщине молодой из нашего же издательства... только что женился, но его застали за прелюбодеянием, а именно, он трахался с нашей секретаршей, 19-летней девушкой. Его застали... Они, значит, для своего секса избрали какое-то заднее помещение клуба, клуб постоянно был закрытый, а они имели ключ и вот они туда ходили и там этим занимались. Раечка ее звали, 19 лет... она была секретаршей, ну конечно, без всякого высшего образования. Ну вот, значит, Коновалюк там ее трахал, имея молодую жену тут же под боком в издательстве, в нескольких метрах от... А там вдруг комиссия идет проверять помещение, в нее входит, конечно, комендант, входит там еще кто-то. Вот они открывают дверь своим ключом и застают там Коновалюка и Раечку за самым интимным делом. Ясное дело, кто этим занимается? Этим занимается партия КПСС. Его, значит, не знаю, что... кончилось, что его убрали из издательства, ну, на другой работе он тоже продвигался... Может, в конце концов, стал корреспондентом какого-нибудь журнала, может что-то еще, даже, за границу поехал, не пропал человек. Его жена осталась тут, а Раечке по младости, по глупости простили, потому что ее проработывала комсомольская организация, она у нас осталась. И, наконец, самым ярким... я любил разные хохмы там проделывать в издательстве. И вот самым ярким событием за годы моей работы в издательстве, помимо редактирования литературы и скандалов, связанных с ним, у меня было вот такое, как распитие женского молока... публичное распитие. Ну, женского молока, значит, в издательстве. Значит, среди наших работников, редакторов в издательстве была некая Светлана Капелуш, она и сейчас жива, в интернете, во всяком случае, она числится как живая. Она была, конечно, красивой блондинкой, очень знойной по своей внешности. И вот с ней были разные сложные приключения. И после того, как она у нас работала в издательстве, и до этого. Например, она потом была в Африке, в какой-то экспедиции, еще в советское время, густо советское, ну, она была членом партии. И они летели на самолете с Бернхардом Гржимеком, она летела на самолете вместе с Гржимеком. А на переднем самолете летел его сын — Михаэль, и ему в пропеллер попала птица и он у них на глазах грохнулся и погиб. Она рассказывала, она была свидетельницей этого всего, это было у нее на глазах. Потом, где-то тоже в одной из южноафриканских стран их захватили какие-то дикири, людоеды, и собрались их уже кушать. А у людоедов был такой обычай, делать отбивную еще из живых людей. И из них, по ее рассказу, стали уже делать отбивную, довели до потери сознания, но другие племена напали на это племя и их отбили и повезли уже их, чтобы продать за деньги, вернуть уже в качестве трупов. Но они оказались живыми, она говорит, что ее выходили индийские врачи... зубы, конечно, вставили... все, ну, она жива до сих пор. Потом, 20 или 30 лет спустя я пригласил ее на нашу прогулку, мы еще раз ее расспросили, она подтвердила все это, что все это было. Было не только это.

Так вот там в издательстве Света Капелуш вышла замуж и родила двоих детей. Первый ребенок, проходя через естественные родовые пути, скончался, второй — родился живым, и молока она давала 4,2 литра в сутки. И она сказала: «Мне молока девять некуда, я на нем блинчики пеку, папе давала пить и вам принесу, если хотите».

Ну вот, я ей сказал: «Конечно, Света, приноси, я буду пить твоё молоко». Только, я говорю, я не люблю теплого, парного я не люблю, мне холодного. Она говорит: «Хорошо, я утреннего удоя, то есть четырехчасового вот поставлю в холодильник».

И вот приносит она мне бутылочку, ваточкой заткнутая такая бутылочка. Но мне главное — другим людям показать, в общем. Ну вот, значит, я взял эту бутылочку и говорю, что вот теперь я сэкономлю деньги на обед, я не пойду в столовую, а куплю калорийную булочку за 10 копеек, ты помнишь такие булочки?

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Ну вот, и Светланино молочко я из этой булочки скушаю. И вот я пошел, купил калорийную булочку и стал ходить по разным отделам и показывать, как я кушаю калорийную булочку и запиваю Светланиным женским молочком. Ну что люди? Люди не знают, как реагировать, знаешь, молчат, не знают — прилично это или неприлично, никак ничего не поймут. Ну, так это проходит день. Потом мой коллега Игорь Любимов, падкий на всякие хохмы, тоже говорит: «Я тоже хочу». Она говорит: «Хорошо, я и тебе принесу». На следующий день она приносит молоко, его пьет уже и Игорь Любимов. И тогда молодой редактор Юра (возможно, не Юра – Б. Р.) Макаревич, которого только из студентов распределили, он, кстати, сейчас работает редактором в нашем Институте наследия до сих пор, но я его в лицо не узнаю, а меня он, наверное, узнает, но, наверное, думает, что я его презираю, не знаю, так многие думают. Но я его не узнаю уже сейчас, но он у нас работает тоже редактором. Так вот... уж сколько лет прошло... 60 что ли, 70 с тех пор, я не знаю — сколько, ну не 70, конечно, может, 50. И вот клуб любителей женского молока растет... круг или клуб. Тут же меня спрашивают: «Борис Борисович, а что вы чувствуете, когда пьете молоко Светланы?» Я говорю: «Да, конечно, чувствую прилив сил, бодрости». — «А кем вы теперь приходитеесь ее ребенку? Что, молочным братом? Или как? А кем вы приходитеесь ее мужу?». Я говорю: «Не знаю, давайте решать». Ну ладно, уже третий день идет, и, наконец, Свету вызывают в партбюро. Ну как же без этого, ну, все же кончается, все пути идут в партбюро. И бывает много раз... я тебе это говорю на примере похорон галчонка Потенота и других историй, что бывает, люди увлекаются чем-то, искренне веселятся и действительно ставят капустники, и действительно выпускают какой-то сборник необычный, книгу какую-то, какие-то истории, какой-то сборник. Что-то необычное, то какой-нибудь там «Метрополь» или «Тарусские страницы»... И все равно кончается тем, что потом спохватываются и начинают это все душить и давить. Также и у нас тоже в маленьком масштабе, но это было неизбежно. Ее вызывают и говорят: «Светлана Исаковна, что это о вас там такое говорят? Какое-то молоко? Что это все значит?» Она выставляет свою грудь и говорит: «А что? У меня молоко пропадает». Он говорит: «Да». Она говорит: «Я кормящая мать». Они говорят: «Светлана Исаковна, вы не только кормящая мать, но и член партии». Ну, точь-в-точь по анекдоту, точь-в-точь, потому что у меня много было товарищей, которые просто анекдоты воплощали опять в жизнь, и у них это получалось. Ну вот, значит... она говорит:

«Ладно, собакам отдавать буду». Ну, этим разговор и закончился. Потом были у нас другие смешные истории. Например, уже при новом директоре Порываеве, когда наше издательство ликвидировали, влили его, конечно, с убытком для географической науки в издательство «Мысль», то во главе издательства «Мысль» стал новый директор Порываев, который был раньше секретарем Грозненского обкома КПСС.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: И все было понятно — чеченцы вернулись из депортации, все, значит, чеченцам надо давать посты секретаря, а куда ж девать русского секретаря Грозненского райкома. Ясно, что человек был крутой, вот ему дали... для него сделали издательство большое, для него, потому что надо дать человеку работу, дать ему маленькое учреждение неприлично, это же не по чину ему, правильно? Нельзя же его сделать директором бани, нельзя его сделать директором маленького издательства... Куда же девать нашего Петра Бурлака? Для него (Порываева) сделали, объединили издательства — «Географгиз», «Соцэкгиз» и ВПШиАОН – Высшая партийная школа и Академия общественных наук. И он, конечно, стал наводить свои порядки, ну, потом еще вернемся к этому... в соответствующей хронологии, но, забегая вперед, я скажу, что вот такая при нем была история, история... со слонами. На обложке были изображены слоны. Дело в том, что тогда копирайт не соблюдался, и наша страна беззащитно переводила зарубежных авторов, ты знаешь, да? Вот, но иногда зарубежным авторам даже платили гонорары, если они любили советскую власть, их приглашали в Москву, им платили, их тут окружали любовью, а так, как правило, не спрашивали их... сокращали, как хотели, убирали... никого это не касалось. И цензура работала вовсю. И когда были книги о тропической Африке, нельзя плохо отзываться о неграх, тогда же у нас негров любили... это [теперь у нас] расизм. Нельзя говорить даже о половой жизни животных — неприлично. Нельзя говорить о том, что бегемот, чтобы привлечь самку, испражняется, разбрасывая эти испражнения хвостом, как пропеллером, нельзя, это неприлично, это некрасиво. Советскому читателю это знать не положено. Нельзя писать о том, что, когда разделяли убитого слона, то девочек больше всего интересовали его половые органы, как они там рассматривали... нельзя. О половых органах слонов, о совокуплении — это ничего нельзя писать. Вот все это беспощадно вымарывали, а если это не вымарывали, то всегда бывал скандал, всегда кому-то чего-то за что-то попадало. Я, может быть, вернусь к одной такой истории потом, потому что не собираюсь рассказывать только об этом.... Ну, значит, только я закончу сейчас историю со слонами. Вот нарисованы слоны, небо не голубое, а желтое, ну ладно, директор Порываев уже смирился... современное искусство, небо может быть и желтым, яичного цвета. Это не важно, в общем. Но кто-то говорит, что это такое, это хвосты? И начинает подсчитывать: сколько ног — сколько хвостов... не сходится. Он говорит: «Это не хвост». А что же? «Это член». Да нет, говорит, художника вызывают... художник говорит: «Нет — это хвост»... Ну, говорит: «Нет, это член, убрать». Заведующему говорит, потом опять что-то художнику, тот доказывает, что это хвост, хвост опять восстанавливают, потом опять убирают. Не знаю, чем дело кончилось Ну, и потом с одеванием негров... На фотографии изображены... тут, знаешь, права какие-то не у автора были, а у переводчика, потому что переводчик же заключал договор, и ответственность какая-то. Переводчик и художник имели права и они иногда их качали. И здесь стоят там негры, голенькие, в чем мать родила. Директор Порываев говорит: «Нельзя, они голые, нарисовать им трусы». Значит, трусы нарисовали, приходит художник или переводчик и устраивает скандал. Ну, и так далее, в общем. Ну ладно, мы пока на этом не будем уклоняться. И вот идет 55-й год.

Поступление в аспирантуру

Во время работы в издательстве я старался не порывать с наукой. Мне удалось опубликовать две или три статьи, очень фундаментальные, которые были развиты в моих курсовых работах. В сборнике «Философские вопросы естествознания», о «единой географии» опубликовали огромную статью, потом еще что-то. И, в общем, я, конечно, думал о том, чтобы все-таки поступить в аспирантуру и вернуться к научной деятельности, каковой я по-настоящему занимался, только будучи студентом. Потому что для меня, естественно, пребывание на последнем курсе университета — это и было, собственно, апогеем моей научной работы, что вполне естественно. Ну вот, дальше что? Дальше речь пошла о том, что мне нужно поступать в аспирантуру. Вот я в «Географгизе» примерно до 59-го года, вот, работал или до 58-го... Году в 58-м я стал поступать в аспирантуру географического факультета МГУ, поступать на физическую географию, потому что я хотел заниматься именно в сфере физической географии. Потому что моя тема «Формы районирования» была предназначена для обслуживания ландшафтных карт, чтобы эти карты были более наглядными, чтобы с их помощью можно было изобразить как индивидуальные особенности, так и классификацию. То есть эти карты должны быть аналогичны сочетанию библиотечных каталогов – регионального и классификационного. И вот по аналогии с этим я хотел создать такие тематические географические карты, но я работал в полном одиночестве, меня тогда никто не понимал. Первые мои пятнадцать лет научной работы меня не понимал никто. Хотя у меня были покровители, свою работу, которая у меня... готовилась для публикации и была потом опубликована в «Вопросах географии», я понес Давиду Львовичу Арманду в Институт географии. Я к нему, как раз пришел туда в последние дни апреля, показал ему свою работу и так я с ним познакомился, впоследствии в аспирантуре он был моим руководителем. А тут в 55-м году, когда я еще был студентом пятого курса, я впервые с ним познакомился. Он как-то мне в разговоре сказал: «А вы с моими детишками знакомы?» Я говорю: «Ну да, я с ними завтра в поход иду». Так что я и с его дочерью, в общем, познакомился в походе. Ну, это совершенно параллельно. И вот году в 58-м я поступал в аспирантуру географического факультета МГУ на кафедру физической географии. У меня были огромные пробелы в физико-географическом образовании, я ничего не смыслил в почвоведении, не смог я освоить почвоведение. А еще со школы я ничего не понимал в химии, я уже вам рассказывал об этом. Вот в почвоведении химия очень важна. И конечно, не говоря уже о том, что и в геологии и минералогии я тоже ничего не смыслил. У меня огромные были пробелы, но ко мне отнеслись исключительно благосклонно, и профессор Глазовская, которая сейчас жива, сейчас ей сто один год, сто один с половиной года, она жива. Она руководила этими экзаменами и она очень ко мне была благосклонна, и мне подобрали такие вопросы, которые соответствовали моему научному направлению. Это не школярство, Юра, это не то, что сейчас учебники для аспирантов, какие-то билеты, какие-то там... нет, это совсем другое, это было собеседование старших ученых с молодыми учеными. А экзамен во всей его тупости и нелепости был как раз по марксизму-ленинизму, на нем-то меня и завалили, потому что, видимо, такая установка была,

к тому времени у нас уже была не та Акиндиниха, которая линияла каждые две недели, а Зоя Петровна Игумнова. Зоя Петровна Игумнова была уже человеком другой эпохи, если Акиндинова была человеком сталинской эпохи, то Зоя Петровна Игумнова, она уже была человеком хрущевской эпохи, никакой другой, хотя тоже как старая большевичка. Конечно, она по сравнению с Акиндинихой она была уже и либеральнее, и гуманнее, и прогрессивнее, но все равно, она была, конечно, кондовой такой вот теткой. И меня там завалили на вопросах, конечно, о том, какой там съезд когда был. Я что-то на это ответил очень небрежно, в смысле, что какое это имеет значение... не тот, так этот, в общем. Все, этим я себя погубил. Погубил все, завалили меня, ладно. Ну, может не поэтому, но завалили. Да, еще до нее что-то там дошло о том, как меня из Памирской станции удалили за то, что поднимался на гору, хотя, казалось бы... все это не имело никакого отношения к Московскому университету и мы живем не в деревне, но тем не менее это тоже было известно. И чего-то такое, в общем, кому-то я, конечно, там был нежелателен... хотя я всего лишь ничтожный аспирант, но я уже был личностью известной, у меня уже были какие-то противники, и кто-то не хотел. Это вполне естественно. Ну вот, и тут на помощь призвали мою тетку — старую большевичку, ну это совершенно смешно. Она была тетка, Марфа Михайловна Ткачева. Она не совсем старая большевичка, она в партии только с 1919 года, но как я люблю о ней рассказывать, ее вели вместе с любовником на расстрел, его расстреляли, а ее, возможно, только изнасиловали. Я считаю, что для нее это было пустяковое событие. И вот, значит, она была потом соратницей Розалии Самойловны Землячки, она мою маму устроила в Москве, вот почему моя мама стала москвичкой, благодаря тому, что Марфа Михайловна Ткачева пошла к Розалии Самойловне Землячке, и сказала, что у меня сестра тут приехала. Землячка спрашивает: «Это наш человек?». Она говорит: «Наш». Ну, и Землячка ей на клочке бумаги выписала ордер, и моей маме дали жилплощадь в Москве. Ну, тогда это делалось просто. Эту жилплощадь я имею сейчас, то есть что папе дали, папе дали благодаря Крупской, маме дали благодаря Землячке, они объединили эту жилплощадь пятнадцать плюс пятнадцать — тридцать метров и сейчас я имею тридцать метров спального и двадцать метров прочего помещения... пятьдесят метров квартира, ничего не увеличилась с тех пор. Помещение стало меньше по объему, потому что тогда было три с половиной метра, сейчас — два с половиной метра.

Ю. С.: Потолки...

Б. Р.: Но нет, конечно, я не отрицаю, что жизнь все равно улучшается неуклонно. Я когда-нибудь напишу книжку о неуклонном улучшении материального благосостояния моей семьи и меня лично. Ну вот, эта моя тетка пришла туда, а эта тетка моя — она была и директором совхоза раньше и жила где-то в деревне, где-то она там избу какую-то купила еще в Можайском районе за семьдесят рублей, или семьсот рублей тех, или семьдесят брежневских... У нее там крысы из под подола выскакивали, когда она спала, в общем... Любовник у нее был какой-то мужик, когда она была директором совхоза. Она иногда проходила улицу, специально нарушала, чтобы милиционер подошел к ней, а потом она ему предъявляла документы, что она старый большевик, и милиционер с почтением отпущал. То есть вот как самоутверждались бедные люди. Но, тем не менее, значит, это не помогло, потому что не смогла она с ними найти общего языка, потому что... как партиец с партийцем она пришла поговорить. Но, понимая, что значила моя тетка, живущая в хрущевской трущобе, хотя она и персональная пенсионерка какого-то значения. Что значила эта Игумнова, которая была женой какого-то крупного министра, фамилия которого, по-моему, Кузнецов... какого-то советского, в общем, что-то такое было. Короче говоря, год пропал, но я остался в издательстве. В издательстве были рады, и я же продолжал там работать. Но, как говорится, у нас так было принято в нашей науке. Если кого-то забракуют Москва, то его принимает Ленинград. Если кого-то забракуют МГУ, то его с радостью принимает Институт географии. Хотя в Институте географии работали выходцы только с этого геофака МГУ, но тем не менее между ними всегда было соперничество и антагонизм. В будущем году меня взяли в аспирантуру Института географии, году в 59-м.

Ю. С.: И вы снова сдавали экзамены?

Б. Р.: Да, я там уже сдал вступительные экзамены. Там ко мне относились лучше, меня там не провалили. Что я там говорил, сейчас я уже не помню, но такого не было. Естественно, что и вопросы мне... Это же просто было собеседование, в общем, естественно, оно шло в нужном русле... Ведь никакого конкурса нет же при поступлении в аспирантуру, все же решается заранее.

Ю. С.: Ну, а историю КПСС где сдавали?

Б. Р.: Это же не история... я вот не знаю, по-моему, это история КПСС, не знаю где... в академии...

Ю. С.: В Институте философии...

Б. Р.: Может быть, там, а может быть, это было централизовано.

Ю. С.: Централизовано.

Б. Р.: Ну вот, видите как... где-то обошлось. Я сейчас не помню, у меня есть дневники, не могу сейчас вспомнить. И я три года был в аспирантуре Института географии, с 59-го года по шестьдесят, видимо, второй, да, или 61-й... И я провел время очень легкомысленно...

Ю. С.: А кто был руководителем?

Б. Р.: Давид Львович Арманд, о нем нужно сказать еще несколько слов. У Давида Львовича Арманда была яркая биография, он был из семьи фабрикантов Арманд, из той же, которой была и Инесса, она была его тетей... Эта семья фабрикантов французского происхождения, под Москвой у них было имение в селе Ельгидино Пушкинского района. И в Пушкино у них была фабрика. Город Пушкино получил название не от поэта Пушкина, так раньше такое село было там... Потом, конечно, экспроприировали, Ленин очень жестоко поступил с Инессой Арманд, она просилась уехать в Италию, но он ее туда не отпустил. Сказал: «Поезжайте лучше на Кавказ, там полечитесь». Она поняла, что это для нее смертный приговор, приехала на Кавказ — там она умерла.

Ю. С.: Почему он ее... не понятно?

Б. Р.: А это уже... не относится к теме моей, я не знаю — почему.

Ю. С.: Ну, Арманд, что-нибудь о ней рассказывал?

Б. Р.: Нет, ничего... это была тема, не любимая для него. А о самом Арманде известно кое-что, его первая публикация относится еще к дореволюционному периоду, до 17-го года. А именно, он, будучи скаутом, что-то написал о скаутском движении. Он всегда тяготел к тому, чтобы быть активным членом общества, он был скаутом, потом он увлекся электротехникой, он мечтал об электрической лошади, то есть об электрическом тракторе и все. Потом поступил в электротехнический институт Каган-Шабшя, ты знаешь о существовании?

Ю. С.: Никогда не слышал.

Б. Р.: Никогда... и я никогда не слышал, я недавно нашел в интернете. Это был яркий электротехнический институт.

Ю. С.: Частный?

Б. Р.: Да... вот. А потом стал государственным имени Каган-Шабшя. Посмотри, это замечательно... Каган-Шабшя. Потом он стал инженером, каким-то ведущим, на заводе «Динамо».

Ю. С.: То есть он кончил этот институт?

Б. Р.: Да, кончил... Закончил, он стал электротехником. Потом он сидел в тюрьме за отказ от военной службы, он сидел еще в тюрьме, но не то чтобы сказать, досталинской...

Ю. С.: Ну, это до революции?

Б. Р.: Нет, не до революции, в советское время он сидел в тюрьме за отказ от военной службы по убеждению, по идеологическому убеждению. Ну, это было в начале 30-х годов, это был еще не Большой террор, нет, это было другое.

Ю. С.: Это было возможно?

Б. Р.: Это было возможно, тогда еще люди могли вернуться, были случаи, когда из Соловков возвращались... были же случаи. Потом уже Большой террор начался, такой классический. Это был еще не классический Большой террор сталинский, это было нечто другое... когда тоже была какая-то видимость соблюдения законов. Потом он работал на заводе «Динамо», он как-то сказал, что при его аккуратности, то, что он все записывал, спасла его от гибели, потому что когда было очередное разоблачение каких-то диверсий, то тех, которые вовремя не записали, какие они там вещества использовали химические, их обвинили в том, что они готовили там взрыв бомбы, и расстреляли. А у Арманды все документы были в полном порядке, и это его спасло. Давид Львович Арманд был инженером, но он в то же время был туристом, он увлекся туризмом очень. Вот через туризм он пришел в географию, потому что, ну, по озеру Селигер там ездил все на лодках, какие-то там были байдарки, вот лодки же были, все это было. Да это уже было перед войной, очевидно. Это было в 30-х годах, ну, может быть, в 36-м, 37-м.

Ю. С.: Ну, а как же его в этой среде приняли?... Это же...

Б. Р.: Хороший вопрос. Не сразу, не сразу, как всегда эта среда его много лет не признавала за своего. Это же обычная история, когда мой друг Костя Шилик — инженер-ракетчик стал археологом, настоящим хорошим археологом стал, его лет двадцать тоже не признавали. Сейчас его признали, но ему же сейчас 83 года уже. Так же и с Армандом. А Арманд талантливый человек и вот он постепенно стал включаться, что-то он стал делать... возможно, он стал коллектором, ну, у меня все есть о нем... написано. У меня о нем статья есть, его биографию я писал, сейчас я не могу все это припомнить. Моя беседа не настолько подготовлена.

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Если бы я был подготовлен, пришлось бы целый год к ней готовиться... к тому, что я сейчас говорю. Поэтому, к сожалению, я могу говорить неточно... Насколько я понимаю, он, видимо, работал коллектором в экспедиции в отпуск, скорее всего так. И в конце концов он понял, так в этом его призвание, но он же пришел туда не без идеи, он же пришел со своими количественными методами, с инженерными, о том, что географию надо сделать наукой более точной, более инженерной. Надо влить вот это все, чему он научился в этой сфере... Естественно, что его принимали в штатки. Но во время войны у него были поручения. Перед войной он уже стал, по-моему, научным сотрудником в Институте географии, во время войны у него были поручения, исследования уральских пещер. Конечно, для бомбоубежищ. Дальше, ему поручили писать монографию о Румынии, естественно, опять с тем, что Румынию уже пора освободить и быстро, давали же сроки невероятные, нужно было за несколько недель написать такую монографию. Да, она была написана и издана. Ну конечно же, это военное задание, задание-то военное. Значит, наша армия приближается к Румынии, а о Румынии никто ничего не знает. В штабе же надо что-то знать, нам звонят и требуют, находят ученого, и он пишет. Он пишет, ему это было... легче, французский язык он знал с детства, о Румынии много литературы на французском языке. А уже румынский язык, конечно, он быстро им овладел... Для человека, который знает французский язык, не только французский... и эсперанто к тому же... румынский язык не составляет сложности, нам, конечно, труднее было... Написал прекрасную монографию. Это не все. Тут, значит, уже 45-й год идет, уже Советский Союз намерен, как сказать, отнять у Японии не только [Южный] Сахалин, но и остров Хоккайдо. Вообще Сталин был уверен, что остров Хоккайдо нам достанется. Да, вот такие аппетиты. И Арманду поручили написать монографию — «Остров Хоккайдо». Он ее тоже написал. Потом у него была хорошая книга — научно-популярная — об ореховых лесах в Средней Азии, изданная «Детгизом». То есть это был очень талантливый человек. Потом, он написал эпохальную статью о математических методах в географии, задолго до всего. Потом, это уже при мне, в те годы, когда я уже был его аспирантом и после, он поехал... да, он написал книгу о ползающих лесных полосах. У нас же был грандиозный сталинский план преобразования природы и вся наша страна была покрыта лесными полосами, ты это знаешь, да? Дело в том, что лесные полосы не выполнили своего главного назначения — повысить урожайность, но, в остальном-то они сыграли положительную роль... У нас ландшафт преобразился, у нас вдоль дорог везде появились лесные полосы и сейчас они там существуют, то есть ландшафт просто преобразился неузнаваемо. Я очень сожалею, что люди сейчас как-то это не помнят. Я поражаюсь, что такое коренное действительно преобразование нашего ландшафта сейчас никто

не вспоминает. Эти лесные полосы все-таки своей главной задачи не выполняли, потому что они проводились чисто механически, чисто механически на клетки делили. Правда, не всегда понимали, что они уже существующие лесные полосы, которые существуют вдоль оврагов, они сохранялись, они включались в эту сеть. И вот Арманд решил этим заняться как следует. То есть он все измерил, он пришел к выводу, что поля должны быть меньше, что лесополосы должны располагаться как-то ортогонально по отношению к изогипсам рельефа, то есть они должны идти не случайно, а как-то так или по склону, или там поперек склона. Но все это он уже вычислил, он написал замечательную монографию, но пока он ее писал, все изменилось. Уже и Сталина забыли, уже лесные полосы забыли, уже все другое пошло. И эта книга так и осталась [никем] не востребованной.

Ю. С.: Ну, все-таки вышла?

Б. Р.: Конечно, вышла, тогда в издательстве она выходила, тогда издательство Академии наук выпускало такие книги тиражом восемьсот, примерно, экземпляров... максимум — тысяча. Было везде, в каждом большом городе, в магазине или киосках «Академнига», где всегда можно было купить эти книги. Дальше, значит, были годы дружбы с Китаем, его послали в Китай, надолго, надолго послали в Китай в экспедицию. Сколько он там собрал материала! Обычно же бывает так, когда натуралист едет в экспедицию, он в экспедиции несколько месяцев, потом, чтобы написать, обработать, ему нужно несколько десятков лет... Вот у нас так поехал Гумбольдт, отправился в кругосветное путешествие, потом тридцать лет писал, уже никуда не выезжая, на базе. Дарвин поехал тоже на корабле «Бигль» один раз объехал...

Ю. С.: Ну, пять лет.

Б. Р.: Да. Что? Пять лет путешествовал?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Ну вот, а потом всю оставшуюся жизнь писал на базе этого, включая и происхождение видов. Это замечательно. А тут я вот тоже дневник какой-то обрабатывал, тоже гораздо больше времени уходит на осмысление впечатления от путешествия, чем на само путешествие... всегда. Даже, если это путешествие очень поверхностное, а уж, когда это исследователь. И вот он (Д. Л. Арманд — Б. Р.) много чего написал о Китае, это до сих пор не опубликовано. Может что-то где-то частично публиковалось, то есть это колоссальный архив Давида Львовича Арманда. Его сын Алексей Давидович Арманд сейчас известен уже не меньше отца, не меньше...

Ю. С.: Тоже географ?

Б. Р.: Да, он еще сотрудник Института географии. У него... он занимается тоже вопросами эволюции. У него есть заскок: он любит эти понятия «инь» и «ян» и везде их пихает. Вот вышла книга «Анатомия кризисов», которая одинаково ценна и для биологии, и для палеонтологии, и для экономики, и для политологии. Потому что одно время было, когда биологи, экономисты объединялись и доказывали, что одни и те же законы есть тут и там. Так что, в общем, семья Армандов талантлива, а об Аленке мы уже говорили, она по-прежнему там этим детским домом заведует, яркая, значит, такая. Ноя-то провел годы аспирантуры совершенно безалаберно, не то что безалаберно, я не могу сказать, что я был неорганизован. У меня, во-первых, мне надо было в течение этого года сдавать кандидатский минимум. Меня опять же пугало вот это — марксизм-ленинизм, в общем, все. И, в общем, я все это откладывал бесконечно, бесконечно я это откладывал. Режим у меня был вольный.

Ю. С.: Ну, остальное-то сдали?

Б. Р.: Трудно сказать. Нет, ты знаешь, Юра, я тебе хочу сказать, что в те годы было принято, собственно говоря, что аспирант, как правило, не защищает диссертацию в течение трех лет, которые ему даются, занимается черт-те чем. А потом он, может, защищает, а может, не защищает, как его жизнь сложится. Если очень прижмет, он потом защищает. Поэтому я тебе скажу, забегая вперед, я не защитил диссертацию в течение этих трех лет. Но я был не одинок, так большинство аспирантов... Эти годы я жил в свое удовольствие. Конечно, были и путешествия. Жил я исключительно бедно. Да, прежде всего, для поддержания своего материального положения я сейчас же заключил творческий договор с издательством, из которого я вышел. Издательство меня ведь отпускало не то, что неохотно, это была потеря для издательства, меня там очень ценили. Поэтому я сразу же стал внештатным редактором «Географгиза», сразу же стал внештатным и получал уже деньги по объему за отредактированные работы. Я прощался с издательством «Мысль», то есть с издательством «Географгиз», очень ярко. Когда я поступил в аспирантуру, в году в 59-м, я решил там это отметить, отпраздновать. И коллектив отнесся к этому очень благосклонно. А именно, рядом с той доской, на которой висели эти номерки на гвоздях, которые я должен был перевешивать, когда [приходил] на работу, я поставил стол. На этом столе я поставил филадельфийские бутерброды...

Ю. С.: А что это такое?

Б. Р.: Очень просто: это куски белого хлеба с соленым огурцом и сливочным маслом. И поставил бутылку водки, а также огромное количество всяких стаканчиков. И всякий, кто приходил на работу и отмечался этими номерками, что он пришел, выпивал со мной там или один эту водку, чуть-чуть. И сам директор тоже с удовольствием к этому присоединился, сам директор.

” И все было так тепло по-товарищески, потом, собрав энное количество зрителей, я сорвал с гвоздей эти номерки, кинул их на пол и станцевал на них обезьяний танец, я их топтал ногами. Ну, все, конечно, стояли, аплодировали. Так я отметил свой уход.

А потом, когда я пришел домой, я прежде всего решил разобрать свой архив. У меня уже к тому времени, конечно, не на пятьсот папок, как сейчас, но на пятьдесят хотя бы уже накопилось. И все это было в полном беспорядке, может быть, еще у меня и по папкам не было разложено. Поэтому я решил, что я всегда успею диссертацию написать, но сейчас я не могу... я должен все разобрать. И вот я до сих пор не разобрал.

Ю. С.: Ну, все-таки вы делали попытки.

Путешествия во время аспирантуры

Б. Р.: Я делал попытки. Теперь, то, как я провел годы аспирантуры, лучше всего проследить по перечню моих путешествий. Они опубликованы вот в этой книге. Значит, сейчас мы начнем.

Ю. С.: Сейчас давайте сделаем перерыв на несколько минут.

Б. Р.: Да-да, отключи.

Ю. С.: Вот сейчас... Вот, Борис Борисович, когда потом будете говорить о путешествиях, то, конечно, интересно не чисто технически — вот поехал туда-то, туда-то, а какие-то впечатления.

Б. Р.: Ну конечно же, ну а как же... сейчас все будет. Разве я раньше так...

Ю. С.: Может, выпьем чашку чая?

Б. Р.: Да, сейчас посмотрим, что там написала Таня за это время, а может ты сам этим займешься, а? Ты знаешь, где у меня чайник? Достать свежие пакеты... все.

Ю. С.: Ладно, ладно.

Б. Р.: Опустить все туда. Еще чего-нибудь найди.

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Итак, я поступил в аспирантуру со второго захода, в 58-м году меня провалили при поступлении... с геофака МГУ... провалили по истории КПСС. Спустя год я поступил... в пику геофаку я поступил в 59-м году в аспирантуру института географии к Давиду Львовичу Арманду. Там тоже в отделе физической географии меня немного журили за то, что я с коллективом никак не общаюсь, прихожу только девятнадцатого числа за стипендией. Тогда еще аспирантам давали книжные деньги.

Ю. С.: А что это такое? Я раньше не слышал...

Б. Р.: А как же... Полагалось в советское время каждому аспиранту деньги на приобретение книг.

Ю. С.: Seriously?

Б. Р.: Да. Один раз в три года ему давалась сумма, по-моему, равная его стипендии, чтобы он себе книги приобрел. Никогда я не видел, чтобы кто-то книги приобрел на эти деньги...

Ю. С.: Раз в три года?

Б. Р.: Покупал книги... пропивали, скорее всего.

Ю. С.: Ну, вы-то купили, надеюсь?

Б. Р.: Нет, тоже на эти деньги, я не могу сказать, что пришел, накупил книг сразу же, нет, это не так. Я не могу никак сказать... конечно, эти деньги помогли мне в моей жизни, в бюджете. Значит, в аспирантуре я подсчитал, что за вычетом... Я жил вдвоем с мамой, отец у меня к тому времени уже умер, мама моя получала пенсию 24 рубля 50 копеек в месяц на брежневские деньги — половина от потери кормильца. А я... ну, 245 тогда получается еще на хрущевские деньги, и я получал стипендию в 1000 рублей, или 100 рублей на брежневские деньги, 1000 на хрущевские. Я подсчитал, что у меня от этой [стипендии] оставалось только... а уже 61-й год, кажется, был. Да, по 61-й год я получал стипендию 1000 рублей, то есть 100 рублей, и от них у меня 22 рубля оставалось на жизнь только, за вычетом квартплаты, всего там, еды и прочего. То есть свободных денег у меня практически не было.

Я жил в ужасной нищете, в ужасной нищете! Я помню, любимой девушке в подарок решил преподнести набор карандашей стоимостью восемьдесят копеек. Все-таки я его не преподнес, я им и сейчас пользуюсь, вот он у меня лежит рядом.

Ну, в общем, это все ты не представляешь, как это было убого. Ну, я поддержал все-таки свое материальное состояние тем, что я заключил договор с «Географизом» и, в основном, моей работой в это время была толстая книга Никольского «География транспорта СССР». По-моему, я на ней заработал рублей 150 брежневских или 1500 хрущевских...

Ю. С.: Ну, вы же ее долго делали?

Б. Р.: Конечно, долго... конечно, долго, Юра, это все... мало что от этого выгадал. Конечно, это меня отвлекло от аспирантуры. Ну, с «Географизмом» опять сохранялась любовь. После того, как я стал аспирантом, то летом мне надо было поехать куда-то. Значит, моя тема была вот эта вот: «Формы районирования». Значит, надо мне было лучше всего поехать в экспедицию, где составлялись какие-то тематические карты. Чтобы я участвовал в этом деле в поле, участвовал в практике, а не только как теоретик рассуждал, потому что я в своей работе рассматривал уже готовые карты как произведения. Я никогда не участвовал в составлении, никогда. И собственно говоря, мои работы — они описывают только поздние стадии, поздние операции, операции с тематическими географическими картами, относящиеся, может быть, даже к сфере их редактирования. Но первичное получение этих карт, там съемки в поле, это была не моя тема, мне надо было тоже к этому примкнуть. И вот, значит, меня отправили... я отправился в Днепропетровскую экспедицию географического факультета МГУ.

Ю. С.: Ну, это все-таки за счет академии?

Б. Р.: Конечно... я не знаю, за чей счет... а, за счет, почему? Университета.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Меня туда же зачислили на работу.

Ю. С.: А, понятно.

Б. Р.: Да, получал полевые, все как положено. А от Института географии я получал стипендию. И вот меня, значит, на вокзале провожают в город Павлоград на Украине. Там была комплексная Днепропетровская экспедиция МГУ. И мой покойный друг Олейников написал поэму о моем пребывании в этой экспедиции по моим письмам. Я ему писал письма, и он по этим письмам успел написать поэму за тот месяц, пока я был в экспедиции. Эту поэму успели распространить уже по экспедиции, ее уже даже читали и пели на какой-то мотив. Ну, а начиналось это так: «Практики с теорией союза / Служит доказательством тот факт, / Что на разведенье кукурузы / Бросил свои силы геофак». Ну, это была кукурузная эпоха... кукуруза, значит, под кукурузу. Хрущев со своей кукурузой... И вот мы туда поехали в 61-м году.

Ю. С.: Это была большая экспедиция?

Б. Р.: Да, большая, как всегда большая... и всех отрядов не видишь и не знаешь. Она была полностью аналогична Прикаспийской экспедиции МГУ и завхоз был тот же...

Ю. С.: О!

Б. Р.: Храмов... и те же бабы, опять же, значит, мать и дочь, с которыми Храмов жил...

Ю. С.: Да здравствует Храмов...

Б. Р.: Обе были его любовницы, да. Был снят какой-то дом, правда, этот дом, может быть, был не совсем частный, это была какая-то школа, но хозяйка и ее дочь были там налицо, видимо, они рядом тоже занимали, видимо, он арендовал несколько помещений, видимо, рядом с этой семьей, мать и дочь, по его схеме. Там была еще какая-то школа. Я не разбирался во всех этих тонкостях. Город Павлоград меня поразил тем, что там по его главной улице проходил железнодорожный путь, прямо он проходил по улице по асфальту. Казалось, что тут ходит трамвай, но это не трамвай, временами здесь шел товарный поезд на мельницу. Ну, в старое время до революции все было возможно, так он и сохранялся, этот путь там. При мне там никакие поезда не ходили. Вот идешь по главной улице города, идешь, как интересно, а посередине один путь проходит железнодорожный, как трамвайный, такие же рельсы всё. А потом он вдруг сворачивает с этого проспекта, упирается в какую-то мельницу или элеватор... ну, подъездной путь вот так проходил. Потом на окраине города мы разместились в палатках. Это были большие палатки, такие армейского типа, в них стояли кровати-раскладушки, и все как обычно в экспедиции. А потом мы поехали под руководством моего друга Алика Осетрова, вот с которым я познакомился в Хибинах, заниматься почвенной съемкой в село Водяное, по-русски Водяное...

Ю. С.: Почвенная съемка?

Б. Р.: Да. Всего лишь почвенная.

Ю. С.: Но, вы же ни бум-бум...

Б. Р.: Конечно, Юра, конечно, что это мне... ну что мне толку от почвенной съемки, ничего особенного... конечно, а что еще? Ну вот, собственно говоря, так оно и было, и в конечном счете...

Ю. С.: Нет, а что вы делали на почвенной съемке?

Б. Р.: Юра, это хороший вопрос. Вот сейчас я и собираюсь рассказать, что я делал, это смешно, конечно. Ну вот, значит, приехали мы в село, которое называлось Водяное, по-русски, по-украински, Водяне, а там иначе его произносили, как Водина. Вот, это овраг, гигантский овраг, вдоль него хаты стоят, село огромное, неизвестно, где его конец и никогда я везде там и не был. И живут там настоящие крестьяне во всем своем дикости и убожестве.

Я тебе скажу, что более дикого далекого от моей Москвы, от моей жизни, от цивилизации, от людей, с которым я общаюсь, в жизни моей не было места, чем это село. Не было ни на Камчатке, ни на Карпатах, ни в Мурманске, ни в Заполярье, ни где-нибудь там в Салехарде. Я не встречал людей более далеких, более диких, более мне непонятных, чем в этом селе.

Ю. С.: Ну вот объясните...

Б. Р.: Настоящие крестьяне...

Ю. С.: Как... откуда это?.. Что является основой вашего впечатления?

Б. Р.: Помню... это были люди, как с другой планеты, вот в чем дело. То есть это была какая-то крестьянская...

Ю. С.: Не так одевались как-то?

Б. Р.: И одевались они не так, и разговаривать с ними было не о чем, и потом я расскажу некие дикие истории, чем это все завершилось... Это был год 60-й... 60-й год. Ты в каком году родился?

Ю. С.: В 51-м.

Б. Р.: Ага. Ну вот, значит, 60-й год. Вот здесь настоящие хаты. Что первое, что шокирует... все... в хате все окна заклеены газетой, сплошь, на все лето. Туда совершенно не проникает дневной свет.

Ю. С.: Пол земляной? Деревянный?

Б. Р.: Да, пол земляной... куры...

Ю. С.: А хата из чего?

Б. Р.: Ну, хата классическая, мазаная, какой-то каркас еще есть, чего-то обмазанная из глины, да... крыша соломенная... вот. «Все окно заклеено газетой», как писал в своей поэме Олейников. Там темно и страшно, и компот нам подают из вишневых веточек... компот, не [из] косточек, а [из] веточек.

Ю. С.: А это я не знаю, что это такое — компот из вишневых веточек?

Б. Р.: А веточки от вишни, и почему-то из них компот готовят, «и куры наглые в тарелки гадят нам». Ну, понимаешь, мы отказались вообще жить в хате, мы жили под открытым небом спали, только в хату мы приходили во время дождя... редко было. Мы, конечно, очень хорошо улеглись, но, может быть, с риском дождя, дождь был редко...

Ю. С.: Все-таки, компот не из ягод, а из...

Б. Р.: Ну чего ты, из вишневых веточек там компот, я не знаю, почему... что-то такое... у меня так записано в этой поэме.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Потом, значит, мы лежим, спим вот под открытым небом... по-моему, постелив солому. Ну, там в поэме такие слова: «Утром Осетралик говорит мне: / Хватит спать, мол, Боренька, встаем / Нам будильник малогабаритный уж давно скомандовал подъем». Малогабаритный будильник — он у меня вот стоит на верхней полке, мне подарила одна девушка, Невена Шеломанова болгарского происхождения, которая, видимо, хотела за меня выйти замуж. И тогда это тоже было значительным подарком, такой вот будильник, и он у меня работал до 2003 года. Сейчас я его не могу выбросить, конечно...

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Она меня тоже туда провожала. И вот я с этим будильником... И моя работа была такая: мне надо было так... Нам надо было без конца рыть почвенные ямы. Ну, ты знаешь, что это такое?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Как?

Ю. С.: Никогда не был на почвенной съемке.

Б. Р.: Значит, почва — она же состоит из разных горизонтов, чтобы эти горизонты найти, надо вырыть почвенную яму, очень серьезную, она не меньше человеческой могилы.

Ю. С.: Ну, это — шурф?

Б. Р.: Нет, у нас не шурф, называлась у нас почвенная яма, она не меньше человеческой могилы, то есть она, конечно, не такого объема, как могила. Там, где находится разрез, она должна быть глубиной большой, не меньше метра, может быть, и глубже. Но с той стороны, куда она заходит, ступенька остается, чтобы в нее войти... ну, это шурф у вас называется?

Ю. С.: В геологии — шурф.

Б. Р.: Ну, хорошо. Нам давали беременных баб, чтобы они нам эти ямы рыли, потому что других работников в колхозе не было, колхозу нужно выполнять план. Для колхоза тоже это было мучение, ему приказывают, на него спускают. Все в советское время делалось командно...

Ю. С.: То есть бабы рыли, а вы описывали.

Б. Р.: Да, бабы рыли, а я описывал, да, беременные бабы мне рыли ямы, а я описываю, вот. А после этого они должны были ее зарыть, не оставлять же так, туда же и трактор упадет...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: Вот, ради того, чтобы я описал. И что же у меня получалось?

Ю. С.: Ну, вы описывали? Или зарисовывали?

Б. Р.: Да, я не зарисовывал, я только описывал и чем больше я это делал, тем отвратительнее мне эта работа казалась, в общем. Все это мне быстро, сразу...

Ю. С.: Но вы умели описывать? Ведь это же...

Б. Р.: Я сомневаюсь, что я умел. Ну, тут у меня Алик Осетров же был, он-то все умел. И, короче говоря, когда я описывал, вот я, конечно, преувеличиваю, я, конечно, шушу, но все-таки, значит, примерно у меня было так. Чернозем средний, средне-суглинистый, средне-смытый, средне-выщелоченный, вот. И, по-моему, так я везде и писал, ну, как ни странно, карта была составлена потом по этим материалам, но уже без меня, вот как интересно. Значит, там я целый месяц сидел в этой деревне, я там оброс бородой, гораздо больше, чем сейчас, приобрел довольно дикий вид. И вот однажды меня для разнообразия, что ли, поставили измерять... а, брать пробы воды из колодцев. А на мне была надета штормовка зеленая, она мокрая была, очень грубого вида, примитивного. Ну, ты помнишь какие были штормовки? Выцветшие, скорее всего...

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Я не уверен, что она лично мне принадлежала, скорее она была казенная...

Ю. С.: Ну да.

Б. Р.: А уж как выглядели казенные штормовки, Юра, ты, наверное, помнишь?

Ю. С.: Помню.

Б. Р.: Вот, они вообще были выцветшие иногда, белые даже. И вот, надев такую штормовку, обросший бородой, я пошел с полевой сумкой и с какими-то пузырьками. Пошел обходить село. Село было большое, хаты очень удаленные, меня там не знали местные жители, потому что мы жили достаточно изолированно, не все знали.

И постепенно вокруг меня стала собираться толпа, и как дальше они стали кричать: «Не дадим травить колодцы! У нас мужики ушли, мы не знаем, кто вы такой, давайте»... В общем, меня там чуть не растерзали.

Потом, там еще ходили какие-то слухи, а в это время, как раз, летел этот летчик Пауэрс, его там сбили. Знаешь эту историю?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Вот, и чего-то у них в голове смешалось, кто-то обо мне пустил слух, что моя фамилия Пауэрс и еще чего-то такое. И в диких головах, в общем, туземцев все это смешалось. Это был какой-то кошмар, я еле оттуда ноги унес.

Ю. С.: Ну хорошо, а вот жизнь в селе — она была... ну, грубо говоря, есть-то было чего?

Б. Р.: Нет, у них все свое было, все, что они выращивали, то они и ели.

Ю. С.: Ну вот вы, когда жили в экспедиции — голодали?

Б. Р.: Да, очень мы изголодались, я похудел. У нас было как? Мы питались черт знает чем, в общем, черт знает чем. Я не помню, что мы ели, ну конечно, черт-те чем. Ну, были еще такие пикантные моменты. К нам приехала девушка по фамилии... имя... звали Элла Кирик, вот, интеллигентная девушка...

Ю. С.: Кивик?

Б. Р.: Кирик.

Ю. С.: Кирик?

Б. Р.: Да, сейчас ее Одессер фамилия, она живет в Гамбурге. Ну вот, значит, она меня тоже, конечно, любит, не в смысле, что она в меня была влюблена, но она ко мне очень тепло относится. Она была влюблена во внука Баранского — Колю, и приехала она туда со своей скрипкой. Боже ты мой, а тут у нас нужник вообще грязный, понимаешь, мыться нам нигде. Ну, как мылись? Поливались из кружечки теплой... Потом, мы там, например, ели вишню в огромном количестве, а потом, я стал замечать, что у меня в кишечнике что-то не то. Оказывается — часть косточек я проглатывал и огромное количество косточек в моем кишечнике скопилось. Потом, я решил проделать эксперимент, подсчитывать, сколько ягод я съел, сколько косточек я выплюнул. Оказывается, что десятая часть ягод оказалась проглоченной, как косточек — десятая часть, вот. Потом, как я избавлялся от этих косточек, как я их оттуда выковыривал пальцами, в общем, как потом я эти пальцы мыл. В общем, это все кошмар сплошной, ну, а несчастная Элла сейчас же заболела, и ее отправили в больницу. То ли у нее с кишечником что-то было, то ли чего-то... ее отправили в больницу, мы ее там навещали. Это была настоящая сельская больница.

И там в этой больнице какой-то дед был умирающий, когда этот дед уже умирал, он лег умирать, он лежит — ждет, а смерть все не приходит, а ему надо идти в туалет. Он встает, идет на своих ногах в туалет, в общем... Потом возвращается, опять ложится в кровать, опять ждет смерти, а смерть все еще не приходит. Но умер, конечно, в конце концов.

А тут еще приехал этот Коля Баранский, в которого была влюблена эта Элла Кирик. Коля Баранский приехал, вообще какой-то очень странный человек. Он был шалопай сплошной. В общем, так все это было дико для меня, а потом я сидел среди кукурузы и обдумывал заглавие для своей кандидатской диссертации, как мне кажется, я сто пять вариантов перебрал, прежде чем я остановился на этом заглавии, но оно, все равно было достаточно громоздкое. Вот так я причудливо там проводил время, я потерял интерес вообще, по-видимому, за меня Осетров все делал. В общем, толку от меня никакого не было, так месяц я там проболтался, и потом приехали в город Павлоград. И тут мне нужно было брить бороду, а тогда борода была большой редкостью.

Если молодой человек был с бородой, это было очень, очень в те годы странно, понимаешь, за это могли и вообще в милицию забрать. И тут все решили, что я семинарист, что я учусь на попа. Народ толпами вокруг меня собирался, когда я в парикмахерской брился, народ толпился местный у дверей парикмахерской.

Потом мы без конца купались в реке Волчья, это был для нас такой оазис, там протекала река Волчья, река теплая, хорошая...

Ю. С.: Это в вашем селе?

Б. Р.: Это уже в городе Павлограде, мы вернулись на базу, на базу Павлограда. И тут у нас были две девушки, это Элла Кирик, интеллигентная, и простая девушка Вера Абрашина из подмосковного города Лосинки, в общем, Лосиноостровский.

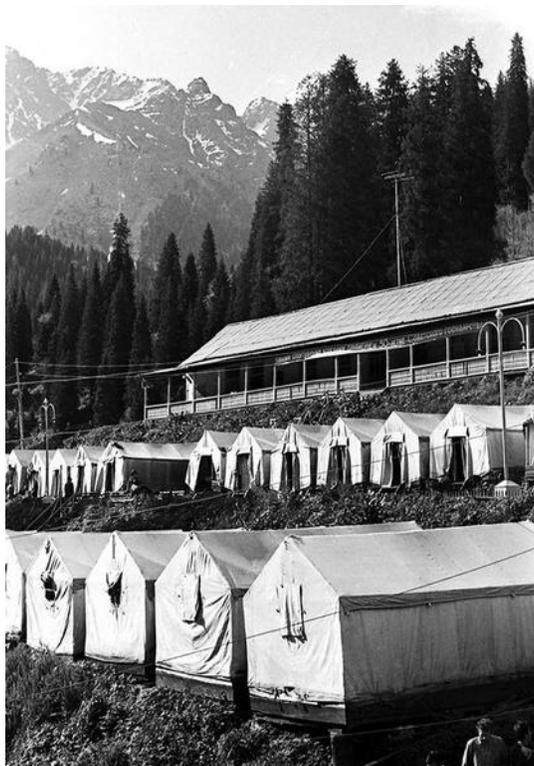
Ю. С.: Лосинопетровский.

Б. Р.: Город Бабушкин, не Лосинопетровский, город Бабушкин, станция Лосиноостровская, тогда город Бабушкин только что был присоединен к Москве.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Вот, и она оттуда была родом и, значит, эти две девушки... вот они купались, и у нас там был Володя Червяков, бывший фронтовик, бывший сержант, человек бравый, настоящий мужчина, конечно, по своим навыкам. Ну, он один только заметил, что эти две девушки тонут, никто больше не заметил. Я сидел как дурак на берегу, он их спас, вытащил из воды... быстро. И Вера Абрашина уже к зиме стала его женой. То есть жену он выловил из воды. До этого я сам клеился к этой Vere. Я клеился, но к кому я только не клеился, я уже это в подробностях рассказывать не буду. Короче говоря, с этого момента кровать, на которой лежала Вера Абрашина переместилась уже в другую часть палатки, и моей соседкой уже была другая. После этого, значит... Червяков тоже стал заметным ученым, потом мы с ним кое-где пересекались. Не знаю, у меня нет сведений о том, что он еще жив. А потом я вообще... И вот когда уже началось составление этих карт, я в нем совершенно не участвовал. Я не могу этого объяснить, понимаешь, меня уже никто ни к чему не привлекал.

Я тогда что-то сказал своим ребятам, что, ребята, я поехал в Крым, мне [здесь] надоело. И я без всяких вещей сел в поезд, у меня была только зубная щетка в кармане и, конечно, паспорт и поехал в Крым в одной рубашке... без всякого рюкзака, безо всего. Ну, деньги в кармане были, паспорт. Сел в поезд, утром я приехал в Симферополь. К середине дня я прибыл в район Алушты, потом я явился в тот дом отдыха, где отдыхала девушка Невена, которая подарила мне этот будильник, в этом же году. Я ее оттуда извлек, и мы с ней поднялись на Чатырдаг. Когда мы спустились с Чатырдага, распрощались, я ее проводил в лагерь, а в лагере я переночевал, между прочим, очень просто. Я пришел к студентам, и они меня пустили к себе. Я в спортлагере Львовского университета переночевал, они меня к себе пустили, я у них переночевал... кто-то там подвинулся, кто-то дал мне кровать, так все это было просто. Ну, переночевал в спортлагере, а не у Невены, я же не мог у нее ночевать, я с ней погулял с вечера, утром я с ней поднялся на Чатырдаг, во второй половине дня с ней расстался, сказал ей, что я еду обратно. Но это была неправда, я пошел в гостиницу, там переночевал. На следующее утро я с пересадкой поехал на автобусе в Коктебель, где была девушка, в которую я был влюблен. Если Невена, допустим, — она за меня собиралась замуж, то там была другая девушка Лёва, в которую был влюблен я. Я попал в какой-то странный дом без [стёкол в окнах], ветры там что-то дули во все стороны и что-то все там мне было непонятно. Я не помню, где меня положили ночевать, но я оттуда сбежал, я понял, что я там лишний человек, я сбежал, ехал на какой-то попутной машине, сел в поезд и ночью я приехал в Павлоград, чуть не остановил поезд стоп-краном. И ночью, я прокрался в свой лагерь и лег в свой спальный мешок и утром проснулся как ни в чем не бывало, как работник этой экспедиции. И начальству, то есть Кириллу Вячеславовичу Зворыкину, все было не очень известно, я даже не знаю как. И в общем, потом все это закончилось и это было так бестолково... закончилось. Это закончилось, конечно, бестолково, но я устроил грандиозную компенсацию. Дело в том, что полевые-то мне же шли, платили. И я поехал на Тянь-Шань, осенью этого года... август-сентябрь... я поехал на Тянь-Шань, турбазу Горельник, такая была. Ты был в Алма-Ате?

Турбаза «Горельник». 1967. Источник: almatyregion-tour.kz

Ю. С.: Был.

Б. Р.: Ну вот, когда поднимаешься туда, к Алатау, там есть турбаза Горельник, она выше там, я уже забыл, как это называется... до нее, по-моему, можно было на автобусе доехать. И вот я взял своих двух однокурсниц, Надю Крылову и Галю Цховребашвили, чтобы ехать с ними втроем.

И у нас в купе оказалась еще одна девушка, совершенно случайно, но эта девушка мне тоже очень понравилась, и как мне было с ними хорошо! Мы ехали в поезде четыре дня. Там была жара, но мы были в одних купальниках, четыре дня, у нас была особая еда.

Ю. С.: Это студентки были? Да, бывшие?

Б. Р.: Они были мои однокурсницы.

Ю. С.: Однокурсницы.

Б. Р.: Они уже не студентки, у них был отпуск, они ботаники, видимо, работали тоже в какой-то системе.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Ну, а другая девушка оказалась нам не знакомая, но она там с нами познакомилась в купе, она тоже абсолютно того же типа, тоже такая же интеллигентная, тоже того же возраста, тоже научный работник. Нам так было хорошо, четыре дня мы ехали, открыли настежь окна, так прекрасно. Мы приехали на эту турбазу, там все было хорошо, потом мы пошли в поход. Нас записали в первое прохождение хребтов Алатау под флагом ВЦСПС. Дело в том, что там испокон веку люди ходили в походы, они пересекали два Алатау и приходили на озеро Иссык-Куль. Но надо было это включить уже в официальные плановые маршруты ВЦСПС. И вот настало время включить этот маршрут в ВЦСПС, и наша группа была первой, которая туда пошла. На меня как навьючили рюкзак килограммов тридцать. Это был кошмар, я, по-моему, вообще под ним упал, и его немножечко облегчили. Я шел, конечно, с большим трудом... с большим. А Галя и Надя были более выносливые, но Надя — менее, а Галя — очень даже выносливая. И так мы прошли через два хребта Алатау, пришли на озеро Иссык-Куль. Как место называется?.. сейчас расскажу... (Сверяется с записями.) Ананьево, да. Ну конечно, потом мы уже съездили в Пржевальск, а потом я решил, что мы... я уже не посмел идти обратно, надо было обратно идти через эти два хребта, я не пошел, Галя Цховребашвили пошла, а я подговорил Надю Крылову и с ней мы поехали на машине в обход через город Фрунзе, ныне Бишкек, на автобусе. Ночевали во Фрунзе в какой-то сторожке, у сторожа где-то там, в общем, как-то тогда все было просто. О гостиницах речи не было, в них же мест не было, вот так. А на обратном пути я уже один поехал,

я посетил разные интересные места. А, именно, я посетил Самарканд, Бухару, Ургенч, Хиву.

Джунгарский Алатау. Источник: almatyregion-tour.kz

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: Да, Нукус...

Ю. С.: Как тогда все?..

Б. Р.: Нукус на самолете... Из Нукуса на самолете в Москву. Летим мы, значит, на самолете из Нукуса в Москву, из Каракалпакии и я надеюсь, что тебе эти места знакомы...

Ю. С.: Ну, а вот Самарканд, Бухара, когда вы говорите, Хива, это вот 60-е годы... ну, какая была... в то время атмосфера... вот к русским...

Б. Р.: Атмосфера была очень яркая. Самарканд — это четыре комплекса памятников. А в остальном, так город более менее современный, даже трамвай есть. Но Хива — это сплошное средневековье и именно в старых стенах, это вообще что-то поразительное, понимаешь, вот это ничем не описуемое. Хиву, конечно, я очень полюбил. И все там было совершенно средневековое с виду.

Ю. С.: Но, в Хиве я не был, к сожалению.

Б. Р.: А Бухара — она почти посередине между Самаркандом и Хивой по степени ее дикости и, так сказать, азиатскости. Дело в том, что там есть еще Новая Бухара и Каган станция такая железнодорожная, а потом ты приезжаешь в Бухару. Я, видимо, там ночевал в гостинице, там трудно было дожидаться места в гостинице...

Ю. С.: Ну, к русским нормально относились?

Б. Р.: Нормально ко мне относились, никаких претензий. Бухара, это, конечно, очень ярко. Там же дворцы эти вот, загородные дворцы эмира Ситоре-и-Махи-Хаса, это дворец, построенный в 1919 году, то есть, понимаешь, эмир совершенно себе не представлял, что его ждет. В 917-м году у нас уже была революция, но там-то еще не было. Там два года спустя все смело, а до этого в 919-м году были построены прекрасные мечети, у них там такое возрождение было свое. Какой-то прогресс, вот европейский дворец... вот этот Ситоре-и-Махи-Хаса с зеркалами, подражание Зимнему дворцу. И все это очень интересно. Потом, знаешь, эти мастера, которые строили этот дворец, они потом пригодились на павильоне Узбекистана ВДНХ, они же его делали. Знаешь, этот павильон, да?

Ю. С.: Этот знаю.

Б. Р.: Вот, этот тоже, та же архитектура частично. Конечно, это поразительное впечатление, и Нукус, и всё, эти дыни гигантские, по-моему, одну дыню я вез. И вот из Нукуса мы летим в самолете, и с нами на самолете летит старая женщина, каракалпачка — она пришла в своем национальном костюме, возраст у нее очень преклонный, может быть, лет восемьдесят. По-русски она ни слова не знает, куда же она летит? Конечно, она летит в надежде спасти своего сына от смертной казни, она летит на прием в президиум Верховного Совета, надеясь, что там ей удастся выхлопотать за своего бедняжку. Я не думаю, конечно, что это ей удалось. Ее сына приговорили к расстрелу по уголовщине, вот она летела. Но все пассажиры, конечно, о ней заботились и все. Ну вот, мы летим, значит, летим, а у меня карта была, и я слежу, куда самолет летит, все смотрю, что-

то самолет не туда летит. Не туда летит, в общем, ну что, никто же этого не замечает. Приземлились в Пензе, значит, что-то там не ладно, Москва не принимает или что-то. Я тут поднимаю крик, скандал... а было такое правило, что если самолет не может тебя доставить, то он должен дать тебе деньги на железную дорогу, чтобы в мягком вагоне доехать. Ну вот, я это все потребовал, мой билет аннулировали и мне дали деньги, чтобы я в мягком вагоне из Пензы поездом поехал в Москву. Ну, я, значит, покинул аэропорт Пензы, пришел на вокзал железнодорожный, а там такая очередь, такая очередь, инвалиды справки суют, большевики там старые всё... И меня ничего, мой журналистский билет там ничего не сработал, мне ничего не помогло. Я опять тогда в ужасе побежал в аэропорт, там мой билет уже аннулирован, мне пришлось заново все покупать, и я прилетел в Москву, по-моему, только в Быково. Вот такие у меня были приключения. Но спрашивается, что это давало для моей научной работы? Все только косвенно, все только косвенно. Дальше опять была зима в аспирантуре, когда я, видимо, редактировал какие-то такие сочинения для «Географгиза».

Ю. С.: Ну, Арманд-то от вас ничего не хотел? Как-то...

Б. Р.: А Арманд уже беспокоился, его уже поругивали, вот в чем дело, я его тоже немного подвел. Это выяснилось особенно к концу аспирантуры. Ну ладно, теперь наступает уже год... значит, это у нас был год 60-й, теперь год 61-й... 61-й год... Лето наступает, ну и моя девушка, в которую я был влюблен, — Лёка — Валерия Козленко, она мне говорит так легкомысленно: «Мы едем в Пярну, город в Эстонии, хочешь — приезжай к нам». Я, конечно, обрадовался. Дальше была такая картина... тогда почта работала хорошо. Я приезжаю в Ленинград, там до востребования мне открытка лежит: «Мы поехали в Таллин». Я приезжаю в Таллин, там на почтамте мне открытка лежит: «Мы поехали в Пярну». Я приезжаю в Пярну, там на почтамте лежит открытка: «Мы поехали в Коктебель». Ну, ты представляешь, какое легкомыслие, я, правда, будучи, в Ленинграде еще успел к одной девушке съездить в гости... и это у меня сочеталось с путешествием, то есть мне нужно было не просто куда-то поехать, а кого-то там посетить.

Ю. С.: Ну, все-таки это же денежки были.

Б. Р.: Да, были, но тогда транспорт был очень дешевый. Я сейчас хочу вернуться к прошлому, расскажу, как я в 57-м году ездил, будучи работником, просто в «Географгизе» в обычный четырехнедельный отпуск, у меня было всего четыре недели. Я его использовал полностью, то есть я поехал в пятницу или субботу перед началом отпуска и вернулся на работу в понедельник с поезда уже. И вот, значит, там моя задача... и посещал... и ездил же я по местам, не очень хорошо обеспеченным транспортом, а, именно, по реке Печоре, и за Полярный круг, и по Баренцеву морю.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: А как это получилось? Значит, я рассчитал так, что я приезжаю в поселок или город Печора, который находится на пересечении железной дороги Москва — Лабитнанги с рекой Печорой...

Ю. С.: Вы один поехали?

Б. Р.: Да, один... в 57-м году. Но километрах в сорока к югу от города Печоры на реке, по-моему, Щугор, недалеко впадает река Щугор в Печору, там в экспедиции была Оля Лопатина, девушка из этой компании, вот этих вот моих «дорогих девчонок», та, с которой я в том же году, кажется, ездил потом по Прибалтике осенью. И, значит, там, собственно, она не была никогда моей любовницей или что-то в этом роде. Там своя, конечно, была какая-то связь, я не очень там ей был нужен, но, все равно, я же туда ехал с приключениями. Сначала на пароходе, потом на моторной лодке, чтобы эту моторную лодку нанять, я же кого-то уговаривал и, конечно, что-то платил. Потом я бежал, высунув язык, чуть ли не сорок километров по тайге, а по тайге бежать было можно, она была хорошо проходима, потому что это были леса, не то сосны, не то лиственницы, а внизу только мох, ни подлеска, ни подростка. Так я бежал, ночь, конечно, белая, светлая — Арктика...

Ю. С.: Ну, дорога была какая-то?

Б. Р.: Нет, чуть ли не по азимуту...

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: Вот прибежал я туда, этот лагерь нашел и что-то там я перекемарил я с ними, ночь они там сидели, что-то лежали, курили, в общем, пьяные, ничего интересного. Я побежал назад, а у меня же все заранее было расписано. Я послал телеграмму в Нарьян-Мар, что я с этим рейсом теплохода «Юшар» должен плыть из Нарьян-Мара в Архангельск, а он туда ходит чуть не раз в неделю или раз в десять дней теплоход, все же было рассчитано, просил забронировать для меня место в каюте там второго класса и все... обычной телеграммой. Ну, подписался своим титулом, что я редактор «Географгиза». Тогда же все это действовало, все эти титулы, это Москва, всё. От Оли я возвращаюсь, я бегу опять в какое-то село, там я опять умоляю мужика, чтобы он меня на моторной лодке подвез. Он меня подвозит, я пересаживаюсь на пароход, я прибываю в город Печора. Дальше мне надо пересаживаться на другой пароход, который идет из Печоры в Нарьян-Мар, идет туда, наверное, дня три. Ну вот, а [наш теплоход] опаздывает, пароход уже должен отходить и люди уже там спорят, пари заключают, успею я или нет. И в последний момент меня как-то пересаживают с нашего теплохода на тот, и я оказываюсь в каюте второго класса и мы...

(Перерыв в записи.)

Значит, так. Мы остановились на том, что мне удалось перескочить на пароход, который идет из Печоры в Нарьян-Мар и должен идти туда двое-трое суток. Очень яркое путешествие по Печоре, я вижу эти села, с гигантскими избами, у которых я насчитал до тридцати шести окон в каждой избе.

Ю. С.: Окон?!

Б. Р.: Да, окон — тридцать шесть. Вот, значит, так, ты представь себе — изба, вот, у нее два полных этажа и еще есть под крышей, такой вот. Вот в этом этаже нижнем — четыре окна — тут, четыре — тут, и посредине еще стена, бревна торчат. Уже восемь окон, на следующем этаже — восемь, уже шестнадцать, дальше еще четыре под крышей, это уже двадцать, так? Остальные окна — боковые. И как устроены эти избы? Я с ними потом познакомился, уже позже.

Ю. С.: Внутри были когда-нибудь?

Б. Р.: Только не в этом году, да, в другом году мы бывали в Архангельской области.

”

Это замечательные избы, какие они... это колоссальные сооружения. Значит, на втором этаже живет лошадь, на нижнем живет корова. Никаких уборных, туалетов — в нашем смысле — нет. А просто человек сверху какает, а вниз это падает, обязательно смешивается с коровьим навозом. Никакого запаха плохого нет.

Ю. С.: Сейчас. На втором этаже — лошадь?

Б. Р.: Да, лошадь по пандусу заходит, да, лошадь живет на втором этаже... вот...

Ю. С.: Это в какой-то задней части, а ведь — это окна — значит, сзади — горница...

Б. Р.: В задней части, в передней части живут люди, сзади — это крытый двор вот или сарай... под одной крышей. И, значит, там пандус построен, бревенчатый пандус, то есть наклонная плоскость, лошадь туда и с телегой заходит, с телегой — она же везет телегу, полную сена. Для себя же, в общем, и все. Это она туда для коровы, сено это сбрасывается вниз корове, все очень рационально. Теперь, внутри там всякая утварь, самовары... все. Но когда мы посетили эти избы позже, в 69-м году, то уже увидели, как все это отмирает. Люди, которые там живут, не могут их поддерживать, ведь это же рассчитано на большие семьи. Многие избы уже были куплены музеями заранее. Но я не знаю, что от них осталось. Это уже теперь по части нашего Института наследия. Но об этом я расскажу позже, потому что об экспедициях и поездках тоже интересно рассказывать. Но сейчас я задним числом рассказываю, что я проделал в 57-м году в обычном отпуске, по-моему, это было в августе. И вот, значит, мы идем на теплоходе или на пароходе, да, это был пароход — однопалубный старого типа. Там в середине было расширение — это была кают-компания и столовая, туда подавали еду.

Ю. С.: Колесный пароход?

Б. Р.: Колесный, да, это пароход, да, он еще одноэтажный. Не знаю, может ты по картинкам знаешь, штурвал, палуба сверху, на которую запускают пассажиров.

”

И там детский сад ехал, детский сад ехал, возвращался на север. Значит, для детского сада летом и югом была республика Коми, для них был юг, они там лето проводили. А на зиму они возвращались в свое родное Заполярье, то есть Нарьян-Мар — столица ненецкого округа.

Ненцев там я не видел, неважно, ну все равно, Нарьян-Мар. И тут что-то смотрю — наш теплоход стоит, а дети мне радостно кричат: «Дяденька, наш пароход сел на мел». Вот наш пароход на мели ровно сутки сидел, ровно сутки. Вот что они там... для меня это было очень интересно, но я же опаздывал на свой пароход, который меня повезет еще по морям, тоже была напряженная обстановка. Я, конечно, нервничал, но сутки, сутки на одном месте! Значит, что было? И тут, конечно, вызывали, видимо, по радио, что-то тут и буксиры и всё. И как это все трос цепляли, потом этот трос обрывался. Когда он обрывался, он так... хлест по всей палубе, если бы там человек был, его бы там убило или покалечило. Значит, все стали разгружать, там были грузы, разгрузили, тогда он поднялся и его сдвинули. Сутки так прошли. Мы теперь проезжаем Нарьян-Мар. Почти ничего, никаких впечатлений я от него не получил. Но дельта Печоры... реки все очень однообразны...

Ю. С.: Ну город-то был какой-то?

Б. Р.: Ну, как сказать? Это вид поселка, перед райкомом партии росли какие-то березы... в общем. А так ничего там не было, какие-то сараи и грязь, и морской вокзал выглядел очень убого, сарай какой-то. Я пришел туда, и по моей телеграмме мне немедленно дали билеты. Я иду на теплоходе «Юшар», вот, я там почти один пассажир, потому что если кто-то ехал, то может в обратном направлении. И «Юшар» — знаменитый, единственный пароход, все жители Архангельска его знают, и, по-моему, может, стоит где-то как памятник, ему уже памятник поставили, сейчас его давно уже нету, и давно нет такого сообщения, только самолетом пользуются. Мы идем на теплоходе, и кормят меня там — свиной гуляш без всякого, по-моему, гарнира, больше мне ничего не готовили там. Но сама команда жрет там, рыбу жрет, всё, а мне ничего. Но в хорошей каюте, конечно, я ночевал.

Ю. С.: Ну свиной гуляш, вы от голода не страдали.

Б. Р.: Нет, ничего, хлеб был. Потом остров Колгуев — это же так интересно, как мы подходили к острову Колгуев, туда же невозможно...

Ю. С.: Стоянка была?

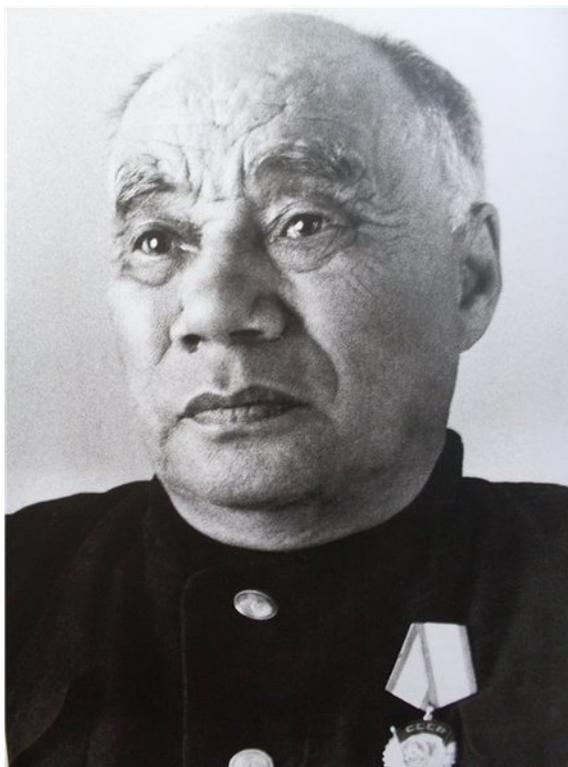
Б. Р.: Да, ну, грузили, грузили меха, меха, оленьи шкуры грузили. И на всех мехах был один адрес [получателя] — Вылко, это известная фамилия...

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Ненецкая. Этот Вылко жил в Архангельске, это, видимо, их барон, так я понимаю, ненцев король, князь...

Ю. С.: Как-то, Тылку Вылко...

Б. Р.: Тыко Вылка? Да. Да. Но мы посмотрим в интернете, он же, конечно, там может и председатель сельсовета, но он — князь.

Тыко Вылка. 1950 гг. Источник: wikipedia.org

Ю. С.: Ну, нельзя же было подойти к Колгуеву?

Б. Р.: Нельзя, нельзя.

Ю. С.: Он же стоял вдалеке.

Б. Р.: Так мы же перегружали с лодок, там не можешь причалить к Колгуеву, что ты, он весь глинистый, мокрый, мелководный ужасно. Я читал в недавней повести писателя Голованова, который друг Замятина, об острове Колгуеве.

Ю. С.: Они с Замятиным дружат?

Б. Р.: Да, он один из тех трех, которых он почитает, Замятин боготворит Голованова, еще там двух.

Ю. С.: Я его знаю, у меня его жена работала...

Б. Р.: Значит, Голованов, потом...

Ю. С.: И он мне помогал...

Б. Р.: Кто у них там? Рахматуллин...

Ю. С.: Этого я не знаю.

Б. Р.: И Балдин, вот это три бога...

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Бога три, которых боготворит Замятин, он их выше себя ставит и он их очень почитает... Ну потому что Замятину же очень важно к писателям притереться, к художникам особенно... он же себя считает писателем, ему очень важно быть среди писателей.

Ну, значит, так вот, да, Колгуев... Итак мы приходим в Архангельск. На меня тогда Архангельск произвел огромное впечатление. Сейчас что-то рассказываешь, о нем уже никто этому не верит, и как-то все это выглядит совершенно...

Ю. С.: Ну, вот расскажите, потому что я тоже был и был очень разочарован.

Б. Р.: Да, я знаю, что тоже ты и был, и ничего этого не видел, сейчас этого не увидишь.

Ю. С.: А вот что вы видели?

Б. Р.: Конечно. С Архангельском я познакомился с моря. И когда мы входили в него, я думаю, часа четыре, и он перед нами открывался постепенно. Эти бесконечные лесные биржи, эти склады, это все так интересно. Я поднимался на самый верх, чуть не до клотика, поднимался на мачты, я стоял на самом верху, без конца это смотрел. Фотоаппарата у меня не было, я ничего не фотографировал. Потом, мы пришли в Архангельск, его деревянные тротуары, его странная планировка, он был изогнут в виде дуги, а центра не было, там было болото, сейчас все застроено там. Потому что там Двина же так изгибалась и получилось так, что город будто изогнут, а потом он был достроен. И тогда еще железная дорога ведь была на противоположном берегу, вокзал еще не был построен. И на пароме туда перебирались. Деревянный тротуар, деревянные дома, этот пароход «Юшар». Потом я оттуда приехал поездом в Москву и в понедельник рано явился на работу. Вот так вот легкомысленно проводил я время, это был 57-й год, когда я работал в издательстве. Теперь мы возвращаемся...

Ю. С.: Ну, подождите. А вот это путешествие, вы что, все заранее рассчитали?

Б. Р.: Да. Да, я заранее рассчитал все... без всякого интернета, видимо, в справочном бюро узнал. Ведь тогда можно было пойти в справочное бюро... Это такой киоск, который стоял везде в Москве около каждой станции метро. Ты туда приходил, платил несколько копеек, и тебе через час-другой давали справку о расписаниях любого транспорта, обо всем. Последний раз я пользовался такими справками в 98-м году, вот уже в постсоветское время в городе Брянске, когда я нашел там свою племянницу и место жительства своей двоюродной сестры. Мне в течение часа это нашли.

Ю. С.: Да...

Б. Р.: Ну вот, значит, сейчас мы остановились на...

Ю. С.: Приехали вы из аспирантуры... из путешествия...

Б. Р.: Да, значит, так, я погнался за этими девчонками и я в конце концов оказался в городе Пярну в Эстонии, тогда там же узкоколейки не было, я уже из Таллина в Пярну ехал нормальным поездом дизельным. Потом я вернулся в Москву и мне надо было утереть нос...

Ю. С.: В Коктебель-то за ними не поехали за ними?

Б. Р.: Нет, в Коктебель нет, но что ты, куда уж дальше, сколько можно водить за нос... и чувствовать, что я там совершенно лишний. Ну, там была Лёка, Люся-Марина, и еще кто-то там. Мне не вполне было понятно, что там у них за компания, конечно, такая богемистая слегка компания. До конца все это не ясно, но сейчас я дружу с Лёкой и с ее мужем... они, конечно, тоже во мне принимают большое участие, ну, не все мне было ясно, жизнь Лёки в девичестве... вот так... А Коктебель был мне памятен по прошлому году, как я оттуда сбежал, уже хватит мне этих впечатлений. И мне надо было им всем нос утереть. И я решил поехать куда-нибудь очень далеко. А я был дневным аспирантом Института географии. Я сказал, что я хочу поехать в Полярно-Уральскую экспедицию Академии наук, в Полярно-Уральскую. Я туда был зачислен просто заочно, я кому-то позвонил и мне сказали, что да... что это возможно. И меня оформили, я получил в своем Институте географии необходимые бумаги, а к тому времени я был уже членом Союза журналистов. Я сел в поезд Москва — Воркута и приехал я в Воркуту. По дороге, когда я ехал в этом поезде, я познакомился там, ну, со мной в купе какая-то девушка... Я ей, конечно, чего-то рассказал о себе и назначил ей свидание... через три месяца в октябре в Москве... в каком-то месте. Я был уверен, что к этому времени я в Москву вернусь, даже не в октябре, а может, в ноябре. И после этого я прибыл сначала в Воркуту, я предъявил свой журналистский билет и переночевал в гостинице. О Воркуте у меня впечатлений никаких почти нет в памяти, ничего интересного я там не заметил. Потом дальше я поехал по железной дороге уже в плацкартном вагоне или в общем пересекать Полярно-Уральский хребет и выходить на станции, которая называется... на каком-то полустанке, значит, надо было выходить... Так сейчас мы это посмотрим... (Свернется с записями.) 106-й километр.

Ю. С.: Это... вот эта северная дорога от Воркуты к Лабытнанги, что ли?

Б. Р.: К Лабытнанги, да, к Салехарду то есть.

Ю. С.: Да, вот которую строили?

Б. Р.: Строили известно кто — зеки... 106-й километр, так называется эта станция. Затем познакомился по дороге, там вагон-лавка, как всегда присутствует в поезде. Он останавливается не надолго, местные жители судорожно пытаются что-то там купить, оттуда кидают буханки хлеба... Это тебе знакомо?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Нет, да. Приезжаем на 106-й километр. И, возможно, то, что мы там видели — это следы как раз бывших лагерей. Значит, мы видим большой поселок, он — необитаемый... людей там нет, занимай любой дом, в общем. Некоторые дома хорошо сохранились, так вот там был какой-то дом, которым, видимо, пользовалась наша экспедиция. Жить в нем было просто, чтобы... топили другими домами, то есть другие дома разбирали и это на дрова пускали. Нормально, все эти поселки постепенно были сожжены на дрова. И вот, значит, там мы кое-как переночевали. И там, на этом 106-м километре была все-таки, отходила железнодорожная ветка, с этого полустанка. И шла эта ветка неизвестно куда и неизвестно, как далеко.

И иногда вдруг на эту ветку приходил большой поезд, и там было много военных, они выгружали оттуда что-то покрытое чехлами, куда-то везли дальше на вездеходах, куда-то далеко на север. А потом поезд этот уходил и опять никаких следов.

Тут за нами пришел санно-тракторный поезд, надо было ехать на Хадату... Хадата — это расположение нашей экспедиции Полярно-Уральской. Никто меня там не знал, но у меня там был, правда, мой однокурсник Володя Ходаков. Он был известный потом ученый гидролог и гляциолог, о нем сейчас тепло вспоминают его ученики, умер он рано, потому что спился... Вот, значит, я туда еду, да, на санно-тракторном поезде. Я забыл, может еще кто-то меня сопровождал, может быть, я дождался чьего-то прибытия, в моих дневниках это записано... вот, может быть, дождался. И вот я еду санно-тракторным поездом... это, значит, трактор, он тянет за собой огромные сани. Полозья этих саней сделаны из железнодорожных рельсов.

Ю. С.: Рельсов?!

Б. Р.: Да. Они уже идут не по снегу, а по камням, не забывай, это же лето. Это санно-тракторный поезд, сани идут по камням, по острым. Ты представляешь, какая это тряска... мы лежим, конечно, на спальных мешках, на тюках, на баулах.

Лежим, он идет со скоростью три километра в час, то есть медленнее пешехода, поэтому временами мы сходим с поезда, идем пешком, а он нас догоняет, а солнце вокруг кружится — это было дня два, что ли, мы шли, солнце не садится за горизонт, кружится, как на севере... и так без конца... очень интересно.

Ну, там мы были в этом районе, конечно, не одни. Там было что-то важное, военное, но мы их не видели, они были где-то в стороне, все же было страшно засекречено. Когда я ехал в поезде, один местный мужик мне сказал: «А у нас тут такое есть, такое есть! А адрес: Москва, А-400». Понятно, да? Вот, так что все эти вот полигоны имели адрес: Москва, А-400 и еще чего-то. У меня была девчонка в Капустином Яру, я тоже писал письма по адресу: Москва, и там чего-то какой-то адрес.

Ю. С.: Это Арзамас — Саров тоже был: Москва, А...

Б. Р.: Ну конечно, конечно, о том, как Арзамас был засекречен, еще об этом ведь Каганский писал. Ну вот, значит, мне нравилось там. Вот приехали мы в Хадату. Хадата — это была такая база на реке Хадата. Там несколько изб было, и там был вот мой одноклассник... одноклассник Володя Ходаков. И он меня тепло принял, в общем. Ну, а что мне там делать? Значит, я подключился, конечно, к каким-то делам. Дела там были такие... Да, потом там еще было немало студентов, не только геофака, там были как студенты геофака, так и студенты вообще не имеющие отношения к географии. Из МЭИ и другие в качестве коллекторов.

Ю. С.: Геологи, наверное?

Б. Р.: Нет, нет, энергетический институт, МЭИ, несколько было там. Значит, в чем их задача была? Задача у всех была простая, значит, смотреть на каком делении остановится дрожащая стрелка прибора.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Прибор неважно какой, не важно, что он показывает, это совершенно не важно. Все приборы одного типа, они оснащены стрелкой для электропередачи и записывать, и все. Понимать, что ты записываешь, совершенно не нужно, а это потом обработают... все поправки потом. А потом тривиальные метеорологические наблюдения тоже были... тоже четыре раза в сутки.

Ю. С.: Так, что вы там делали? Гранулометрическую съемку?

Б. Р.: Я делал все понемногу, и это я делал. Я сопровождал девушку Наташу, которой ночью было одной страшно идти на наблюдение снимать показание с прибора. Я ее сопровождал, чтобы ей страшно не было.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Но не за меня она вышла замуж, а за Володю Ходакова. Под конец, значит, все... Ну, я к ней не клеился. У меня была своя изба отдельная, а там же очень просторно было. Она называлась толевый дом или еще что-то. Вот у нее был такой недостаток, что она была очень дырявая, эта изба. И потом я, конечно, с таким холодами столкнулся. Ну подожди, это было потом, а в августе я же приехал, в конце августа, еще были каникулы студенческие, там было полно студентов, в том числе и с геофака и из МЭИ. Потом у нас было замечательное путешествие — пять дней на лошадях. Опять же, ну... зачем все это, к чему, я не могу это объяснить... зачем. Ну, это же немножко похоже на Бурят-монгольскую экспедицию, где тоже что-то, куда-то ехали, что-то делали. Значит, Володя Ходаков сказал, что нам пора немножко куда-то прокатиться. И вот мы поехали, значит, Ходаков, я и рабочий. Главный — это рабочий из местных жителей, он там был один, и понятно, что все на нем держалось. Он нам и хлеб пек, и лошадей, без него все мы никуда. Ну вот пять лошадей и нас трое, три лошади под всадниками и две под вьюками. Возможно, что это были мягкие вьюки. Ну, а эти зеленые ящики вьючные, ты же знаешь?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Кованые, боже ты мой, я сейчас с такой любовью на них смотрю, по-прежнему в коридорах...

Ю. С.: Вот у меня дома три таких...

Б. Р.: ...институтов, да. Нет, лошадей здесь этими ящиками не мучили. И лошади знали, куда идти, мы пять дней с ночевкой в палатке, прекрасно провели время. И в середине белой ночи я прискакал галопом в лагерь, так мне хотелось, чтобы девушка, к которой я тогда клеился, это увидела, но она спала, она этого не увидела. И вот прошло много лет, и я всю жизнь мечтал как-нибудь еще отправиться в конный маршрут. И немножко посидеть верхом на лошади, прошло с тех пор сколько лет... это был год 61-й, а сейчас у нас какой год?

Ю. С.: 13-й.

Б. Р.: И вот здесь в 2013-м году, не далее, как две недели назад, в Исландии мне довелось это сомнительное счастье — верхом на лошади прокатиться. Меня Таня успела сфотографировать верхом на лошади, у меня есть фотография, можно сегодня посмотреть... здесь на компьютере. Ну, там-то я, конечно, хорошо выгляжу на фотографии, потом она уехала в гостиницу, ей не хотелось скакать на лошади, а для меня это было таким мучением...

Ю. С.: Ну, через 52 года.

Б. Р.: Мучение такое... наверняка неправильно сидел в седле и нога у меня болела...

Ю. С.: Но 52 года, все-таки прошло с тех пор... а вам все-таки хотелось.

Б. Р.: Потому что я старый, да. Ну, понимаю, что неправильно сидел, и лошадь эта меня не слушалась, они туристов вообще не слушаются лошади... что-то, они их презируют. Ведет инструктор девушка, она и вела ее... все это было, ну, совершенная имитация. Но меня прямо как старика с лошади сняли, посадили, с нее сняли бережно.

Ю. С.: Ну вот, слава богу, что все хорошо...

Б. Р.: Ну да, и все хорошо. Так, что нет — я теперь все... никогда не сяду на лошадь... Хотя говорят про исландских лошадей, что они лучшие в мире, что они все — иноходцы. Но лошадь была не дура, она меня не слушалась.

Ю. С.: Так вы просто, у вас была такая, как бы, прогулка...

Б. Р.: Три километра, что ли, но для меня... они были мучением...

Ю. С.: Нет, нет, не сейчас.

Б. Р.: А... тогда, я даже не знаю, может быть, там что-то надо было посмотреть. Это Ходакову виднее было, он был начальник. Ну, яркие, конечно, впечатления. И это еще не все. У нас там был не один дом, у нас внизу основная база была — Хадата, а потом, у нас была еще... была Будка так называемая, в горах, это Хадата была в долине, а наверху у нас была Будка. А потом еще у нас была очень удаленная, очень удаленная была изба, к западу где-то далеко-далеко, километров за двадцать. А тундра чем мне понравилась? Там было много грибов, и вот, как я понял... как я описал... Представляешь себе лес, полный грибов, так?

Ю. С.: Нет!

Б. Р.: Лес, и в нем полно грибов: белых, подосиновиков, подберезовиков... Почему, давно не видел в таком большом количестве?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Ну вот представь себе, и минус деревья, убирай деревья — все остальное — это тундра. И вот тундра, она вся уставлена яркими грибами, вот, и подберезовики, и подосиновики...

Ю. С.: Ну, в тундре видел.

Б. Р.: Но берез и осин нет, белое все, а класть, собирать их не во что. Я снимаю рубашку, меня комары жрут, я в этот подол собираю эти грибы. В общем, жадность такая, потом я ходил пешком в эту избу, там я оставил надпись, что я тоже здесь бывал... карандашом там на стене. И эти все места были соединены полевым телефоном...

Ю. С.: О!

Б. Р.: Проводным, и эти провода тянулись вот в ту западную избу довольно далеко, километров за двенадцать, а в гору — немножко меньше, но все-таки в гору. И потом, когда мы все начали... эти пять изб, тоже были соединены полевым телефоном. Но, они были устроены... телефоны так, что все слышали, о чем ты говоришь, тайн никаких, так он был устроен. И вот люди, значит... Да, и вот потом, что было? Студенты уехали, и эта девушка тоже уехала, и мы там остались неизвестно для чего, остались там ждать, пока нас оттуда заберут. А нас оттуда целый месяц не забирали, но полевые шли.

Ю. С.: Чем занимались?

Б. Р.: Ну, в общем, разные придумывали занятия. Например, то меня посылали несколько раз ходить на ледник, замерить — на сколько он растаял за последние пять дней, я брал кошки, поднимался, записывал. Потом, однажды я проходил, а вокруг было полно куропаток. Мне говорили, что ж ты их не постреляешь, мы бы их поели. Я взял ружье, пошел тоже на лыжах... уже снег выпал, вот, пошел на лыжах, а куропатки разбежались при виде ружья. Мне пришлось это ружье выстрелить в бочку пустую из-под бензина, и больше никогда в жизни охотой не занимался. Так всего в моей жизни было понемногу. Потом одно время ходили в Будку, там мы ночевали, а в Будке, там все было иначе. Внизу у нас в Хадате был обед, завтрак, ужин, его готовили дежурные. И я с ужасом думал о том, как настанет время, когда я буду дежурным. Я должен буду готовить на всю

экспедицию. А в Будке, там было другое. Там был метод — назывался «непрерывный стол». Там никто ничего не готовил, там стояло только продовольствие, и они тогда даже, по-моему, тарелками не пользовались. Там стоял параллелепипед сливочного масла, гигантский. Вот кто-то запускал туда руку, ножом отрезал кусок хлеба, отрезал масла и ел когда хотел. Потом, стояли десятилитровые банки сгущенки, откупоренные... вот так они там, в общем, жили. А у нас внизу был порядок. И вот, значит, я... наступил, наконец, страшный для меня день, когда я должен был дежурить. Но печь хлеб мне все-таки не поручали, этим занимался наш рабочий. Хлеб он пек каждый день, а дальше я все делал, что положено. Я советовался с женщинами по телефону. А женщины, они, в основном, там же лежали со своими будущими мужьями в избе, особенно, из нее не выходили. Они все разбились на парочки и действительно потом переженились, кроме меня. Ну, я же никогда не пользовался у девушек успехом. И у нас там были склады продовольствия, очень интересные. У нас был холодный склад и теплый склад. Потом у нас был еще склад мехов. У нас был большой сарай, и там висели всякие комбинезоны, унты стояли — приходи, надевай, сколько хочешь вот, пожалуйста. Надевай любой комбинезон, любую шубу, полушубок, который там висит, в общем. Я выбрал себе летний меховой костюм, мехом внутрь. Но особенность была такая, что штаны его были очень теплые, тяжелые, в них, конечно, ходить было нельзя, это не для меня, а куртки, да, пожалуйста. И вот в своем доме как я жил, его температура была такая: у нас быстро зима наступала, там уже снег выпал, сначала снег выпал в горах, так вуалью, вуалью, потом, значит, уже плотнее. Потом, уже внизу тоже вуалью, потом сплошной, в течение октября — сплошной снеговой покров, уже на лыжах ходим, но река, конечно, не замерзла, потому что никогда не замерзнет, она же горная, в ней полно рыбы. И когда хочется рыбы, просто идут и сколько рыбы надо, заказывают, столько и вылавливают и едят. Там то ли таймень, то ли хариус — настоящая рыба. И у нас был склад теплый и холодный продовольствия. Ну, холодный склад, понятно, что лежало: мясо, может быть, там масло, а в теплом складе лежала крупа. Там были мешки с крупой, их нельзя было закрывать, она должна была проветриваться. Стояли высокие мешки с крупой — с гречневой, с пшеничной. И наверху на каждом мешке в этой крупе нежилась кошка. Это так полагалось: кошки должны лежать в крупе. Если ты этого не знаешь, то почитай рассказ Чехова. Там есть рассказ, как комиссия идет по рынку и видит, что там стоят мешки с крупой и в каждом из них сверху лежит кошка. А кошка почему? А потому, что мягкая, когда лежат в крупе, то очень мягко, потому что крупа прилегает к телу. И там тоже кто-то говорит: «Ах, кисаньки...». Что-то вот такое, в общем, какой-то разговор такой в рассказе Чехова. И тут я это вспомнил, что кошечки наши, они там лежали в крупе, а собачки — нет. Собаки были лайки, настоящие сибирские, выведенные в Москве в питомнике Академии наук. То ли во всей Сибири не нашлось лаек для науки, то ли ведомство не то, в общем, что-то так. В Москве они были выведены. Ну, тут они жили как положено лайкам, их не пускали... ну, тут местные породы, они... поколение это было выведено, а эти данные собаки, они, возможно, родились здесь на севере. И вот этих собак ни в коем случае не пускали в помещение, а пускали только щенков. И когда я решил пригласить собаку в свою избу, то она была страшно напугана, она была в полном шоке, она никогда в жизни не была в избе. Понимаешь, как она вела себя очень странно, как она пугалась. А у меня была такая изба, что, когда уже наступили холода, ее топить надо было так: сначала ее надо было натопить до сорока двух градусов, что было совершенно невыносимо жарко, а потом в течение двух суток температура снижалась чуть не до нуля. Значит, я топлю свою избу, сначала я кладу какую-то растопку, потом дрова, а потом антрацит. А чтобы уголь разгорелся... это же не так-то просто...

Ю. С.: У вас и уголь был?

Б. Р.: А как же? Ну как же мы могли без этого? Уголь, конечно, был. На вездеходе...

Ю. С.: Борис Борисович, такое снабжение...

Б. Р.: Да, да, да...

Ю. С.: Такое оборудование... А где работа?

Б. Р.: А вот я не знаю где, Юра. Я не знаю, может быть, кто-то скажет... Я не клевету ни на Советский Союз, ни на нашу науку. Я со своей стороны ничего не видел. Что делал там Долгушин — начальник экспедиции. Он трахал одну девицу, которую потом у нас разбирали на комсомольском... Он жив сейчас, ему сто лет, пожалуйста. Не знаю, что он там делал. Ну почему же, труды же выходили. А как, обожди, они открыли ледники, но они ледники открыли на Полярном Урале... Это же наука, они же открыли там ледники, и ледники там ужасно крохотные, но они же есть. Долгушин открыл ледники Полярного Урала. Пожалуйста, все это ты можешь почитать в интернете и сейчас...

Ю. С.: Ну такое оборудование, такое снабжение...

Б. Р.: Да, Юра, такое оборудование...

Ю. С.: А где работа?

Б. Р.: Да, я не знаю, не знаю.

Ю. С.: Где результат?

Б. Р.: Не знаю, у меня какие результаты — впечатления, впечатления и еще раз впечатления. Я считаю, что... как я всегда говорю, что моя теоретическая география имеет только косвенную связь с моими путешествиями, косвенную, но без них она не могла бы состояться.

Я не могу тебе сказать, что именно для теоретической географии я вынес именно из этой экспедиции, я этого сказать не могу, я такого не помню. Значит, это все были источники вдохновения. Я свою жизнь прожил, в общем — то, жарко, я считаю.

Ну вот, моя изба, она вся дырявая, а уже зима. И вот я натопил до сорока двух градусов, жарко невыносимо...

Ю. С.: У вас градусник что-ли был?

Б. Р.: Да, был, конечно, термометр... термометров у нас там хватало, можно было принести пращ или еще чего-нибудь, ну, там же было все оборудование, что нужно.

Ю. С.: Что привезти?

Б. Р.: Пращ — термометр такой... Ты не знаешь ничего?

Ю. С.: Праща нет, не знаю.

Б. Р.: Ну вот, значит, я тебе объясняю, как измеряется учеными температура воздуха. Значит, каждый термометр, температуру он, строго говоря, не показывает, а показывает неизвестно что. Температура снимается не с показаний термометра, а косвенным образом. Значит, люди записывают показания термометра и не такого комнатного спиртового, а именно ртутного. И потом пользуются таблицей поправок для каждого... Ты знаешь, что такое таблица поправок для прибора? Каждый прибор имеет свою индивидуальную таблицу поправок, которая была выявлена для этого прибора индивидуально в лабораторных условиях перед тем, как его выпустили. Его выпускают из производства, выпускают его с таблицей поправок, которые ему присущи, причем наверняка потом, по истечении нескольких лет эти приборы подлежат опять сдаче и опять новому, в общем... поправкам. Вот тогда вычисляется температура. Первичное добывание информации о температуре делается путем того, что берется термометр-пращ. Это термометр на длинном шнуре и нужно его, как пращ вот так вот вращать, причем, стараются отойти подальше, конечно, от всяких стен... всего. И вращается таким образом, показывая температуру воздуха, более или менее, а потом вот так его держишь и быстро записываешь. Он, подобно медицинскому, он разграфлен до десятой доли градуса. А потом уже по таблице вычисляешь температуру. Ну вот, значит так, после того, как я нагрел свою избу до сорока двух градусов, я ложусь под мокрые сырые шкуры вот, олени и другие, и там мне хорошо. Я там засыпаю, и эти шкуры, пока я там сплю, за ночь прогреваются, и утром у меня в комнате уже двадцать градусов, а к вечеру уже ноль. Потом эта топка повторяется опять. Ну я не знаю, может это было всего два раза.

Термометр-пращ. Источник: greleon.ru

Ю. С.: А дрова, прошу прощения, где брали?

Б. Р.: Дрова были привезены на вездеходе откуда-то.

Ю. С.: То есть вы не сами?

Б. Р.: Да, не сами, там нет таких... Я помню — это были настоящие дрова. Конечно нет, там таких деревьев нет. Все это было привезено кем-то когда-то было привезено. Ну вот, дальше. Наступает день моего дежурства, и мне удалось все приготовить: и завтрак, и обед, и ужин... первое, второе, с помощью женщин, которые мне по телефону все продиктовали. Всех я накормил и освободился только к десяти вечера. Я понял, что такое быть домашней хозяйкой, я примерно и сейчас так же живу.

Ю. С.: А посуду-то мыли?

Б. Р.: Конечно, мыл, все это делал я один.

Ю. С.: А сколько примерно человек вас там было?

Б. Р.: Ну, человек десять, наверное. Они все по избам, там изб было пять или шесть. Сейчас скажу: вот Ходаков с Наташей, потом, еще одна пара, еще, одна да я, да и рабочий. Потом однажды, когда я пришел домой после похода на ледник, я смотрю — там сидят какие-то, я думал — девушки сидят в куртках анораках модных таких вот, понимаешь. Оказывается это настоящие анораки ненцев, это же их национальная одежда... ненцы же придумали... это были настоящие ненцы. Да, вот вечером... что я вечером... Вечером я развлекался с радиостанцией, у нас была прекрасная радиостанция, она ловила весь мир без всякого глушения. Там можно было много чего слушать, там все слышно на португальском языке там Гоа, еще чего-то... пожалуйста, весь мир. Она была настоящая, там с большой точностью эти волны с помощью верньера, или нониуса, вот так это все рассчитывать. Вот, у нас были позывные — Р-знак-ЖБ, знак — это мягкий... Р-знак-ЖБ (РЬЖБ). И так обычно мы говорили по радио: «РПСМ, РПСМ, я Р-знак-ЖБ, как поняли? Прием». Понятны тебе эти слова? Знакомо это тебе?

Ю. С.: Да, да.

Б. Р.: Ну вот. А кто же такой у нас был РПСМ? Это наш был завхоз, который сидел в Лабытнанги, и он контролировал вот эти все потоки, и у нас было промежуточное звено с Москвой, но связь с Москвой у нас была не постоянная, она прерывалась. Прямой радиосвязи у нас не было с Москвой, а связь только была с Лабытнанги и там почему-то несколько недель никто не выходил на связь. И мы оказались отрезанными от внешнего мира, несколько недель мы не имели никакой связи с внешним миром. А по радио нам стало известно, что-то там было вроде Карибского кризиса. Я не знаю, когда у нас был Карибский кризис, может быть, я путаюсь, но опять нависла угроза мировой войны. А дело в том, что, когда ты долго отрезан от Москвы или от России, то всегда тебе кажется, что здесь что-то такое происходит. И вот мы тоже думали, что же будет, вот нас все забыли, а тут сейчас начнется мировая война... третья. Как же мы будем выживать? Ну вот, у нас был такой план, значит, у мужчин такой план: всех женщин съесть, оставить только двоих, чтобы им скучно не было. Володя Ходаков так сказал, я не знаю, может это еще при студентках говорили, не знаю, сколько было женщин, не так уж много было, я сейчас точно не помню.

” Но Володя Ходаков правильно сказал: «Все мужчины хотят только хорошеньких, зачем им все остальные, двух хорошеньких женщин мы оставляем, остальных мы съедаем». А у женщин был план встречный — всех мужчин съесть до одного, а самим выйти замуж за ненцев и коми, которые умеют добывать пищу.

А от нас-то какой толк, если война начнется, мы же ничего не можем. Ну вот, так прекрасно мы там жили, а потом у нас начались... Да, и вот к нам прилетел вертолет, но он не сел, а спустил нам записку какую-то о том, что о нас помнят там чего-то такое, что скоро нас отсюда вывезут. И мы должны были ждать вездехода, за нами должен был прийти вездеход и нас вывезти. Это уже было в конце сентября, может в начале октября. И должны были нас вывезти оттуда на вездеходе. И вот у нас начались галлюцинации Робинзона. Это я так называл... Что такое галлюцинации Робинзона? Это когда ты смотришь вдаль и тебе кажется, что, может быть, приближается корабль, который тебя заберет. Вот я испытывал несколько раз, мы на необитаемом острове были, так вот в Карелии на острове Топозера и тут то же. И вот мы целыми днями сидели и смотрели в бинокли. А знаешь, когда смотришь вдаль, там же какие-то черные точки на белом фоне, там снег, там какие-то черные точки, и ты смотришь. Может быть, это и есть вездеход, тебе кажется, что точка увеличивается, но нет — она не увеличивается. Однажды эти галлюцинации стали явью, и пришел просто вездеход за нами, это был военный вездеход, который наша экспедиция, видимо, арендовала у военных. И нас забрали, но так как вездеход был очень хорошо нагружен вещами, то мы там лежали под потолком, мы не могли там сидеть, мы только лежали. Мы в темноте, уже же были не белые ночи, приехали в Лабытнанги на нашу базу. Но там у нас был завхоз, с которым я очень познакомился. У меня с ним установились теплые отношения, я забыл его фамилию, он был еще дореволюционной закалки. Он человек, который успел до революции окончить Высшее коммерческое училище, которое впоследствии стало Плехановским... успел. И он использовался во время Гражданской войны в качестве интенданта, и во время Отечественной войны он тоже был интендантом, то есть он всю жизнь был интендантом, как гражданским, так и военным, и его очень высоко ценили. Я вот не знаю, у нас во время войны, я знаю, интенданты носили серебряные погоны, боевые офицеры — золотые, а сейчас этого уже нету, куда делась эта служба интендантская? Так вот этот завхоз — он был в Германии, вернулся оттуда (мне он потом рассказывал) вернулся с большим запасом трофеев, он вывез оттуда мебель. У нас в свое время поездами же грабили в Германии. У нас певица Русланова вместе с маршалом, забыл его фамилию, тот даже в тюрьму сел на короткое время за это, ну, ты знаешь. И [завхоз] вывез оттуда мебель, и потом я его посещал в Москве, некоторое время я с ним дружил. Он люто ненавидел советскую власть, люто, и этого совершенно не скрывал. Он считал, что жизнь его была сломана, когда наступила советская власть, сломана и все. Ну, он рассказывал мне такие яркие примеры, это [человек] очень наивный и трогательный, похожий на меня. В свое время в Гражданской войны они ночевали в какой-то хате, он там спал на печи. К нему залезла девочка четырнадцати лет в постель, просто залезла с тем, чтобы он ее потрахал, а он стеснялся и всю жизнь он об этом вспоминал с сожалением... всю жизнь, понимаешь. Ему уже было за шестьдесят. Я его понимаю, я тоже так устроен. Дальше он мне рассказывал, что во время Отечественной войны, он был, конечно, не на фронте, а интендантом, и их послали в войска, которые оккупировали Северный Иран. Знаешь, что наша советская армия пополам с англичанами оккупировала Иран, чтобы предотвратить его захват или наступление коалиции с Гитлером. И солдатам, которые туда были направлены, с одной стороны, повезло, потому что никаких же боев, ничего. Но, с другой стороны, не повезло, потому что наши солдаты сразу накинулись жрать фрукты, которые там были, и сразу у них начался страшный понос. Все они там, в сущности, обоссались. Ну вот, значит, так. И он рассказывал там, как он там целовался с тринадцатилетней персиянкой, а он тоже обдирставшись, как все солдаты, в кальсонах и рубашке, видимо, находился в госпитале. Понимаешь, лечился

от дизентерии, ну какая-то очень шаловливая персидская девочка тринадцати лет — она туда проникла. Он с ней целовался через забор, в общем, говорил он с ней по-французски, да, он говорил... Vous êtes malade, она ему говорила. Вы больны. Он ей говорил «Si». В общем, тоже он так вспоминал... Вот это очень похоже на меня, потому что я тоже полон таких воспоминаний. Этот старик дал мне целый комплект журнала «Америка» с возвратом, но я забыл ему их вернуть, они у меня лежали чуть ли не десятки лет дома, выкинули только вот. А тогда журналы «Америка» были отдушиной для нас, в общем всё. Так вот интересно, где он жил. Он жил на улице... направо отходит эта улица от Арбата, как она называется? Я уже забыл...

Ю. С.: Молчановка.

Б. Р.: Да, наверное, так. Вот там был дом, бывший дом предводителя дворянства московского. И в этом доме раньше жила одна семья предводителя, ну конечно, с большим количеством слуг... тоже десятки людей жили. А сейчас в это время, когда я там было — триста человек. И весь этот дом был на коммунальные квартиры разделен, по горизонтали и по вертикали. Чего там только не было, какие-то мансарды, какие-то антресоли, и он жил в самом жалком верхнем углу как холостяк. Он жил в комнате, которая даже нормального потолка не имела, имела какой-то наклон, какая-то мансарда. Но там он берег свои драгоценные диваны и кресла, которые он привез из Германии. Он жил один, он был холостяк, он никогда не женился, в общем, как это все очень трогательно. Он рассказывал, что до революции у них были коровы... Да, а почему он оказался в этом доме. Он там до революции жил, его отец там был управляющим. И он помнит... И для него самая счастливая жизнь была — это дореволюционное детство до 1917 года. Но, видимо, он был ровесник века, если родился, может быть, в 900-м году, а описано это было в 61-м году, не такой уж старый был. И он рассказывал, что у них были коровы, что эти коровы паслись на Пресне, вот там, где сейчас стоит Белый дом, там же было пастбище, где эти коровы шли. И в Москве, еще дореволюционной, были коровы, они паслись там, где сейчас Парк Культуры, в пойме, и в пойме реки Пресни, где до 17-го года еще в черте старой Москвы сохранялись коровы.

И вот в Москве, я помню, еще турникеты на бульварах сохранились, тоже именно от коров, чтобы коровы не могли пройти на бульвар, создавались турникеты, и сейчас такие кое-где есть.

И так он мне рассказывал о старой Москве, я с ним познакомился после, а тут мы прибыли в Лабитнанги и поехали на поезде в Москву. Через некоторое время спохватился, что я ведь назначил свидание той девушке, я забыл об этом. Ну, тут, значит, я кое-что заработал... деньги какие-то, купил магнитофон. В общем, вот этот магнитофон был большой деревянный ящик, гигантский, на нем крутились диски длинной ленты двести пятьдесят метров, или полкилометра.

Ю. С.: Как он назывался? Не помните?

Б. Р.: «Днепр», по-моему.

Ю. С.: По-моему тоже.

Б. Р.: Вот. И вот, значит, коробки... вот они стоят у меня. Что с ними делать, я не знаю...

Ю. С.: А что там записано?

Б. Р.: Там песни, тех лет песни. Переписывали откуда-то, и сами напевали, вот ту записывали. У меня друг Витя Мучников пел красивым голосом, пел песни разные, по четвергам собирались у меня с этим магнитофоном. Но прошло некоторое время, он перестал работать, его надо было чинить, дело затянули, запустили, а сейчас уже с этим ничего не поделаешь, сейчас нет этих деталей, нет этого ничего. Я долго его берег, при переезде на последнюю квартиру, на нынешнюю, в которой я сейчас нахожусь... в общем, его лишили, мы его выкинули.

Ю. С.: А как с этой девушкой, которой назначили встречу? Не выполнили?

Б. Р.: Ну, та, которой я назначил встречу в поезде, я ее не знаю. А что касается моей той девушки Лёки, в которую я был влюблен... дело в том, что в пику ей я привез оттуда роскошные олени рога. Это гигантские, все мне завидовали, но тогда я подарил их другой девушке, которая в нашем издательстве работала. Она ко мне никакого отношения не имела, я не могу сказать, что она этому подарку обрадовалась и больше я ее никогда не видел. Но про эти рога я не знаю, я не уверен, что мех на них сохранится, по-моему, он все-таки облезет, я не знаю, может быть, так. Если бы он сохранился, это было бы изумительно, это было бы очень пышно, красиво...

Ю. С.: Мех не сохраняется.

Б. Р.: Нет, да? Ну, это, значит, в общем-то, было зря, а облезлые рога они ни чего такого собой не представляли... Так... кончается... да, вот 62-й год, наступает осень. Да... еще... 62-й год.

Ю. С.: Ну да, это у вас уже второй год аспирантуры...

Б. Р.: В 62-м году у меня был... Эльбрус... Эльбрус.

Ю. С.: Эльбрус?

Б. Р.: Да... Вот 62-й год, видимо, аспирантура еще у меня продолжается, но уже ни в какую экспедицию я не поехал. Некуда ехать и уже, в общем, лучше не высовываться, потому что видно, что аспирантура кончается, совершенно, так сказать, бездарно, и...

Ю. С.: Ну, хоть экзамены-то сдали кандидатские?

Б. Р.: Не помню, сейчас не помню, сдал или нет, видимо, сдал. Сдал, потому что все-таки кандидатом наук я, в конце концов, стал. Сдал, значит. В 62-м году я еду... вроде у меня написано, где я все побывал: в Туле, в Ясной Поляне там, много где еще. И вот я почему-то еду уже туда... в 62-м году... (Сверяется с записями.) Я еду... Там, значит, у меня была знакомая девушка Олеся Лахтина, тоже из полярно-уральской компании... Олеся Лахтина. Вот с ней вместе мы там печку топили, да, она тоже была на Полярном Урале. Полярный Урал принес мне много знакомых, потому что там я познакомился, ну, с целым рядом девушек, фамилиями которых я тебе не буду забивать голову. Но в конце концов, через них я приобрел вот нынешнюю мою спутницу Сашу Полетаеву, которая с нами на прогулки ходит, потому что она была подружкой какой-то из этих девушек. В общем, так получилось, что с тех пор с ней я тоже знаком. Много, много я приобрел новых...

” Потом, например, там была некая Нина, которая выразила желание пойти со мной в ЗАГС и зарегистрироваться... то есть еще подать заявление о браке для того, чтобы купить себе какую-то кофточку, потому что тогда тем, кто подавал заявление в ЗАГС, им сразу давали талон в магазин, и они могли там что-то себе купить.

Мы пошли, заявление подали, но мне от этого было грустно, мне ничего не нужно было, я ничего в этом магазине не покупал, хотя он находился рядом с моим домом на проспекте Мира. Но мне было как-то грустно, потому что я понимал, что, может быть, эта девушка, я действительно мог бы на ней жениться, если бы она чего-нибудь ко мне проявила. Ей это интересно не было... Вот...

Ю. С.: Но кофточку она купила?

Б. Р.: Конечно, не только... там что положено — она купила. Ну, и как-то задала мне такой вопрос: «Ты интересуешься фигурным катанием?» Я говорю: «Нет». Она говорит: «Чем же ты тогда интересуешься?» Вот такие яркие фразы. Ну, в общем, короче говоря, я вел такой вот образ жизни публичный, у меня постоянно были гости, и у меня были прогулки, я был их лидером. Сейчас от этого лидерства осталось только рожки да ножки, которые тебе хорошо известны. И вот на 62-й год я отправляюсь на Эльбрус.

Ю. С.: Один?

Б. Р.: Да, я еду туда один, там находится Олеся Лахтина, она в экспедиции, она — на службе. А я так на свои деньги еду, вот. Я приезжаю в [Терскол], ну как, я не знаю, видимо, я летел в Минводы на самолете, да, на самолете летел в Минводы. Сейчас я смотрю, что у нас тут написано, так... июнь, июль, Минводы, самолет Минводы, автобус Баксан, <нрзб>, Тырныауз, Верхний Баксан, до <нрзб> пешком — Терскол. Да, в Терсколе находится база — учебная станция географического факультета МГУ, там профессор Тушинский, он меня называл шутливо теоретиком... «Наш теоретик застегивает штаны», — что-то он так обо мне говорил... Он там был царь и бог, рассказывал разные вещи, ему смотрели в рот, его слушали. Но ко мне он отнесся хорошо, но с некоторой иронией, как ко мне относились многие. Оттуда я пошел уже на Эльбрус, то есть не пошел, сначала на тракторе меня подняли на какую-то высоту, потом я пошел пешком в сопровождении одного альпиниста и пришел на Ледовую Базу. Ты был на Эльбрусе?

Ю. С.: Нет.

Б. Р.: Вот, Ледовая База...

Ю. С.: Ну, был внизу.

Б. Р.: Значит, так. Это несколько баков из-под керосина, но гигантских, какие на нефтебазах стоят, высотой с трехэтажный дом, вот такие. Два бака или один, и дом, дом, приспособленный к высокогорным условиям, двери открываются внутрь, окон нету внизу, крыша — фонарная, сверху только свет проходит, потому что снегом же заносит. А если у тебя дверь будет открываться наружу, ну, не вылезешь из нее. И вот там поселился, вот. Приехал в гости вроде... но я никто, никто я был этой девушке Олеся, не был я женихом никоим образом. Ну, как-то меня все приняли меня, зачислили на довольствие.

Ю. С.: А она там была в экспедиции?

Б. Р.: Да. Конечно, она гляциологией занималась. Это была очень ярко... Гляциология... Я пытался там кататься на горных лыжах, но я не умел на них спускаться. Я пользовался ими как равнинными лыжами, я, значит, в одних трусах, между прочим, в семейных трусах, вот... но в носках, конечно, и в головном уборе. Я становился на горные лыжи, пересекал путь туристам, которые там шли. А туристов там презрительно звали гусями, потому что они, как гуси шли вереницей в своих потертых штормовках, которые им выдавали на турбазе, делая однообразные движения...

Ю. С.: Так вы там просто жили? Или что-то...

Б. Р.: Да, просто жил, но я участвовал в чем-то. Когда я был дежурным, я участвовал в приготовлении еды, все... потому что там же...

Ю. С.: А в смысле работы?

Б. Р.: Вот я ходил, им помогал, но совершенно был не нужен я, конечно... Ну вот, я тебе скажу, что было самое яркое... Да, значит, что у нас там было? Ходили мы на Приют Одиннадцати, который был чуть выше, ледовая база была три восемьсот, Приют Одиннадцати по всем данным официальным четыре двести, на самом деле, четыре тысячи, потому что все высоты у нас засекречены и до сих пор я вижу, у нас люди пользуются этими фальшивыми данными.

Ю. С.: Seriously?

Б. Р.: Да, на всех высотах было два варианта, один — открытый, другой — закрытый. Разница была до двухсот метров, так что

все эти данные о высоте горных вершин, они фальшивые и ими пользуются и сейчас вот, видимо, так — это надо проверить, я сейчас могу проверить по интернету. Во всяком случае мне объясняли — Приют Одиннадцати на самом деле четыре тысячи метров, а числится он как четыре двести. Приют Одиннадцати — очень своеобразное здание, похожее на дирижабль, такой обтекаемый. Это как бы полуэллипсоид, в нем иллюминаторы, внутри множество купе, кают, комнат, то есть много народа оно вмещало, как только люди там не спали, чуть ли не на полу они спали, на друг на друге, не знаю. Но всех он принимал, всем как-то хватало жить, в общем. Все это так было и рядом, по-моему, никаких построек не было. Как там уборная на улице была, все, конечно, было загажено. Эльбрус был доступен для восхождения кому угодно, но надо акклиматизироваться. Я уже, конечно, акклиматизировался хорошо. Потом поднимался еще выше — Приют Пастухова — это только точка, точка, там ничего не стояло, тоже уже повыше, на четыре семьсот... Приют Пастухова. Вот так ходили по снегу, ходили по тропе. Ну хорошо, это мы ходили. Потом я видел там Абалакова, младшего. Он занимался чем? Он, будучи старым, он вел какую-то группу, каких-то новичков. Это для него, конечно, было не восхождение, он давно уже поднимался на Эльбрус и зимой. И вот он у нас ночевал, он показывал... я видел его руки, у него пальцы были отморозены, многих пальцев не хватало. Но перед тем, как поселиться в баке, я некоторое время ночевал в баке... то есть в избе... я ночевал в баке из-под керосина, вот в этом большом, там.

Приют Одиннадцати. Источник: skigu.ru

Ю. С.: Это же холодно?

Б. Р.: Ну, наверное, но там же какое-то отопление было. Но потом я переселился в дом. У меня самых ярких впечатления было два. Первое, когда мы ходили изучать структуру снежной толщи ледника. Значит, рано утром мы выходим в четыре или пять утра, звезды, мороз, звезды. Я надеваю поверх своих шмоток, которые я обычно ношу, свитеры там, штормовка, надеваю тулуп бараний, еще что-то такое, как на Памире... прихожу. А к 11 часам я уже стою в одних плавках. Но потом, конечно, так не постоишь, это же ожоги сплошные будут. А они так вот там загорали, как раки, в общем. Но мне так загореть не удалось, в конце концов, у меня вся кожа слезла с лица. Ну вот, они там яму роют, яму роют, конечно, не я же рою эту яму, я только возле нее что-то делаю, ничего не делаю, только смотрю на все это. И меня никто оттуда не гонит. И вот представляешь, они лопатами роют яму глубиной несколько метров, изучать этот разрез льда. Изучают... наука — она этого требует, наука, она же все изучает. Вот так изучали эту яму, не знаю, зарывали ли потом. Потом я сказал, что я хочу подняться не на вершину Эльбруса, а до пяти тысяч метров я хотел, подняться, в своей жизни галочку поставить. И мне сказали с помощью теодолита, все объяснили, где такая точка. Точку эту мне объяснили издали, и я пошел на эту точку и там провел некоторое время.

Ю. С.: Ну, поднялись?

Б. Р.: Там я что-то написал, какую-то записку, очередной любимой девушке, которой потом отправил по почте, но которой на это было наплевать. Посидел я там, было пасмурно и даже уже туман. Спустился, они сказали, что они за мной следили в бинокль. Пришел домой, дальше с меня вся кожа с лица слезла, вся. Я в этом тумане так обгорел, так обгорел, еще я потом записывал, сколько тюбиков крема «Нивея» и сколько баночек глетчерной мази я в себя... ничего, все слезло с меня, и я приехал совсем белый, никакого загара, кожа прямо клочьями слезала с меня. Я ее просто скатывал. Ну, потом я решил, значит, очередной девушке, с которой я в это время дружил, привезти букет цветов. Я со склона Эльбруса быстро спустился, без каких-либо последствий для здоровья, не знаю, может даже пешком, быстро, ну в течение дня, все-таки... целый день надо было идти, нарвал я этих цветов замечательных, сделал из них колоссальный букет, с ними поехал... решил поехать в Москву. Ну вот, на автобусе я прибыл в аэропорт в Минводы, а там только я зарегистрировался, как объявили, что полет откладывается. Я зарегистрировался, я отдал свой рюкзак, у меня нет ни одежды, ничего, только эти букеты. И я, прижав их к груди, ночевал чуть ли не на голой земле. В общем, все это продолжалось страшно долго, по-моему, в этот раз или в какой-то

другой нас там чуть ли не четыре дня мучили. А потом мы полетели, летим, я смотрю на карту и вдруг пролетаем над станицей Вешенской, или Вёшенской, и вдруг самолет назад заворачивает... В Москве гроза, опять, значит, сутки... И я вот с этими прибыл, как мне говорили, с охапкой сена, собственно, привез в Москву. Вот ярко закончилось вот это мое удивительное путешествие и оно... И результатом... это было то, что к осени я, в общем, из аспирантуры вылетел...

Ю. С.: Ну, не вылетел...

Б. Р.: Не вылетел, срок прошел, да. Видимо, сегодня мы на этом закруглимся, ну, осталось еще немного. И там у нас был еще такой Кулагин, заместитель директора Института географии. Кстати, я тогда впервые, собственно, общался с директором института географии академиком Герасимовым... один раз. Дело в том, что меня еще в ту осень послали агитатором, потому что у меня никакой общественной работы не было. Я, а также мои друзья, думали, что меня это, может быть, спасет, потому что, может быть, меня оставят в штате Института географии, понимаешь, меня могли бы там оставить, и там бы я уже защитился младшим научным сотрудником. Это же была моя мечта, я всю жизнь около Института географии вращался, околачивался, как бедный родственник и так меня туда на работу никогда и не брали. И в отделе уже на меня не то, что катили бочку, но уже был у меня там противник один по фамилии Орлов, который автор концепции динамической географии, считал, что вся география была статическая, а теперь нам нужна динамическая. Ну, тоже прав, конечно, по-своему. В общем, отдел был настроен против меня, а Арманд ничего не мог...

Ю. С.: А почему?

Б. Р.: Ну, потому что я игнорировал, с коллективом я не общался, я ходил только за стипендией, никто меня там не видел, не знал, никакого контакта у меня не было. А я сам же не могу с людьми общаться...

Ю. С.: Ну, а с Армандом-то был какой-то контакт?

Б. Р.: С Давидом Львовичем Армандом был контакт, я дома у него бывал. Он, просто, был осторожен, он был мягок, но чувствовалось... в общем, он мной не очень был доволен... Ну, потом он, конечно, очень тепло обо мне о моей концепции поляризованного ландшафта он отзывался, она в его книге есть вся. Это потом уже, потом, в 70-х годах. А это у нас год какой? 62-й, значит, у Арманда у самого же положение там было, на него же тоже как-то давили, что-то еще, у него много было врагов. А тут Кулагин — замдиректора, интересный у нас был заместитель директора — Кулагин. О нем сейчас тоже некоторые тепло вспоминают, но он не из той категории людей, которых я люблю. Значит, Кулагин был бравый чекист.

Ю. С.: Ух ты!

Б. Р.: Да, но в качестве чекиста он в Отечественной войне участвовал... в этом качестве, и он был комендантом Праги, когда наши войска заняли. В общем, он был герой, и, может быть, даже был Героем [Советского Союза]. Ну, с ним случилась неприятность — его ближайший коллега, который был послан по этим делам на разведку в Швецию, там полюбил женщину, женился на ней и остался там. Ну, казалось бы, причем здесь Кулагин... нет, Кулагин за все отвечал, с него сняли множество наград, лишили его множества званий и отправили на работу в качестве замдиректора Института географии. И вообще, я тебе скажу, Юра, что многие должности, вот именно заместителей директора, я не исключаю того, что и нашего директора нынешнего, это люди получают как бы в порядке снижения должности, ссылки или наказания. Ты знаешь, что когда Молотова от всего отстранили, его сделали послом в Монголии. Монголия была единственная страна, которая могла принять такого посла. Другие страны никогда бы не приняли... Ну вот, тоже так же, это была рядовая история. Но в Институте географии его очень уважали, его, конечно, сделали...

Ю. С.: Ну почему, другие соцстраны должны были его принять... Молотова соцстраны... куда бы они делись... приняли бы...

Б. Р.: Да, да, ну вот и Монголия — одна из таких стран.

Ю. С.: Просто это его еще больше...

Б. Р.: Монголия — более, чем соцстрана, она была почти советской...

Ю. С.: Понятно. Просто его еще больше...

Б. Р.: Кулагин... но сейчас о Кулагине, конечно, там... У каждого человека есть ученики, каждый кого-то тоже успел воспитать, о нем вспоминают. Ко мне он относился плохо.

Ю. С.: Он был замдиректора по науке или как?

Б. Р.: Вроде да, по науке, не по хозяйственной части, а кто по хозяйственной... о-о-о... это тоже интересно. Также в подтверждение этой гипотезы. И вот Кулагин, по-моему, он тоже разразился в «Правде» статьей, что не может быть ученых-одиночек. А я вот как раз ученый-одиночка, типичнейший пример. Потом мне не помогло то, что я стал агитатором. Я один раз только разговаривал с академиком Герасимовым, он мне говорит, что мне нужно быть агитатором, а о науке ни слова. Потом, когда я еще работал в «Географгизе», я выступал вот с этой своей эпохальной... докладом о формах районирования. Это произвело большое впечатление на публику...

Ю. С.: А где вы выступали с этим докладом?

Б. Р.: В Географическом обществе, по линии Географического общества, но в зале Института географии. И в общем... у меня все время с ними был какой-то контакт. Но когда я, еще будучи аспирантом, какой-то делал доклад в Институте географии или, может, о своей диссертации, то в это время вошел в зал академик Григорьев, еще тогда живший классик. Он при виде меня очень поморщился, я ему очень не понравился. И...

Ю. С.: А вы его знали?

Б. Р.: Григорьева, нет, я с ним никогда... И академик Герасимов никогда со мной не разговаривал. Единственный случай, когда в своем кабинете он меня принял и сказал, чтоб я был... Короче говоря, я агитатором не стал, у меня закончилась

аспирантура, и на следующий же день меня в свои объятия принял «Географгиз». А там меня ждали, в общем, любили, и я пришел, вернулся к прежней работе, уже с некоторым повышением — старшим редактором. И так вот закончилась моя аспирантура, как казалось бы, пока безрезультатно. Ну, где я еще был после этого?.. Да, еще после Эльбруса я же еще успел побывать в августе с одной из своих девушек съездил в Крым. Там тоже у меня было много приключений, я тоже поднялся с ней на Чатырдаг.

Ю. С.: Ну, получается, что все ваши поездки... Конечным пунктом была какая-то из девушек...

Б. Р.: Да, конечно, это была как бы веха такая, да. Я как бы не могу сказать, что я ехал к ним. Вот я на Дальний Восток ехал как бы для того, чтобы посетить Зою Ибрагимову, но на самом-то деле мне было важно там побывать, вообще.

Ю. С.: Ну конечно.

Б. Р.: И так везде было. Так же на Печоре, так же было. Когда ехал, где была девушка, а иногда ехал с девушкой вместе, но это было реже гораздо. А когда ехал с девушкой вместе, у меня было несколько иначе: я хотел ей показать те места, которые я уже полюбил. Вот тут я уже выступал как творец ландшафта. И, значит, я вернулся в Государственное издательство географической литературы.

Ю. С.: И это было в 63-й?

Б. Р.: Да, это был 62-й год.

Ю. С.: 62-й.

Б. Р.: Декабрь, ноябрь, видимо, да, срок аспирантуры заканчивался...

Ю. С.: Как раз перед этим сняли Хрущева.

Б. Р.: Да-да-да-да. Юра, тогда мы немножко продолжим. Значит, дело в том, что в это время... Давид Львович Арманд издал свою знаменитую книгу, которая называлась «Нам и внукам», это была первая книга по охране природы в нашей стране, где ясно все было написано... для чего...

Ю. С.: Ну, это не первая книга...

Б. Р.: Да. Не первая, там у нас был Куражковский, еще кто-то был...

Ю. С.: До революции был Боровик (?).

Б. Р.: Конечно, конечно. Ну, может, считать так, что в СССР — первая. Ну вот, а я там переусердствовал, я... вот это с моей стороны была действительно глупость. Я решил туда вставить яркую цитату из выступления Хрущева, на эту же тему. Оказывается Хрущев на эту тему что-то сказал, но это неудивительно, мало ли кто ему речи составляет. Яркую, понимаешь, все это было принято с радостью. Так вот книжка не успела выйти, как Хрущева сняли.

А тогда все это было просто. Всех засадили с бритвой в руках и все вырезали, эту страницу.

Ю. С.: Серьезно?

Б. Р.: Да... все так делали, вырезали... всех сразу... аврал и все. Никого не ругают, ну что же делать, Хрущева же сняли, мы же не виноваты. Арманду это было неприятно, видимо, и обо мне тоже как-то... не знаю, но я чувствую, что это было как-то нехорошо... Теперь вот насчет этих скандалов в издательстве. Значит, там постоянно были какие-то скандалы, связанные, конечно, и с политикой. Вот, значит, хорошая книжка, все... написано Грузинская СССР, то есть вместо два «с», поставили три, вот.

Ю. С.: Опечатка.

Б. Р.: Да... но, это же политическая опечатка. Тогда очень страшно боялись, конечно, это не сталинское, конечно, время, тогда за это вообще можно было жизнью поплатиться, но все равно, боялись. А тем более Грузия у нас всегда была на особом счету: это родина Сталина, это республика, которая очень на многое претендует, привилегированное положение в СССР она имела. И все это помнят, но это уже не сталинское время было, это было вообще в 60-е годы было. Ну и что ж ты думаешь, всех засадили и ножичком соскоблили, бритвой, и я тоже скоблил. Так что вот это называлось... если вот это с Хрущевым — это «выдирка», это аккуратно вырезалось.

Ю. С.: Ну, вырезалась целая страница же?

Б. Р.: Да, все равно.

Ю. С.: Ну, на этой странице?..

Б. Р.: Значит, что-то клеивалось или еще что-то, я не знаю, я не уверен, что клеивалось. Что-то там, в общем, делали, делали. Значит, так... и вот последнюю историю я хочу рассказать. Значит, когда к нам пришел директор Порываев, наше издательство ликвидировали для того, чтобы дать работу Порываеву, бывшему секретарю Грозненского обкома, а может, не для этого, объединили три издательства к 63-му году... С 1 января 63-го года я уже числился работающим не в «Географгизе», а в издательстве «Мысль», которое существует, видимо, до сих пор... но адрес тот же...

Ю. С.: Пожалуй, что нет.

Б. Р.: Помещение то же, Ленинский проспект, 15. И тут, значит, мы даже шутили: мы слились, у нас слияние произошло, мы слились. И вот у нас стал «грозный» директор Порываев, не знаю, куда дели нашего Петра Бурлака, наверное, на пенсию отправили, остальные все на месте. И бывший «Географгиз» стал называться «Главная редакция географической литературы». Это не значит, что была какая-то другая, неглавная редакция, а просто это чин такой, эти все бывшие издательства стали называться главными редакциями. В результате мы получили помещение на Миусской площади, бывшей ВПШИАОН — Высшей партийной школы Академии общественных наук, это было потом... И тут наш «грозный» директор Порываев...

Ю. С.: Это бывший университет Шанявского?

Б. Р.: Да, конечно, у меня там отец еще до революции учился, но диплома не получил. А сейчас же там РГУ, по-моему.

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Где Замятин процветает. И вот директор Порываев, у него наверху у нашего Дома книги хороший кабинет, а в задней части кабинета у него спальня, там у него диванчик, у него персональный лифт, в котором с улицы ездит на лифте, ему не положено общаться с младшими смертными. Вот, заезжает во двор на машине, на персональном лифте поднимается на этаж, там у него персональный санузел и фаворитка сразу появилась — Люся Рогова... Очень смазливая девица, фаворитка. И наши всячески подтрунивали, еще была у нас красивая девушка по имени... ее тоже звали на Г, как-то звали... Эта была Люся, а та... у нее прозвище было Гретхен, и мы все время, значит, мужчины за столом только обсуждали Люсю, Люсий и Гретхен, без конца за столом. И вот эта Люся Рогова — она пользовалась таким влиянием у директора. А потом я спустя много лет...

Ю. С.: Она редактором была?

Б. Р.: Она, возможно, числилась редактором, видимо, в том секторе, который был бывшим «Соцэкгиз»... вот там, видимо, там, в общем, была редактором. Да, там, видимо, была редактором. И вот... потом я познакомился много лет спустя с девушкой Верой Никулиной из моей компании, которая оказалась племянницей этого Порываева. К тому времени Порываева уже не было в живых. Она сказала, что да, подтвердила да, Люся Рогова да, это была его девушка. А эта Люся Рогова в последние годы [нашего] пребывания в «Географгизе» там организовала художественную самодеятельность. А я помню, ей даже подарил картину, у меня есть такая картина — пейзаж абстрактный, ну я могу всегда нарисовать... Я тоже в рамочку вставил и подарил. Она довела меня до того, что я на спектаклях художественной самодеятельности в присутствии директора плясал с кухонным ножом в зубах.

Ю. С.: Ну-у-у!..

Б. Р.: А было это в году 63-м, а сколько мне тогда было лет?

Ю. С.: Сорок два.

Б. Р.: Да, может... нет, может, тридцать два.

Ю. С.: Тридцать два всего.

Б. Р.: Вот Люся Рогова до чего довела, но она была фаворитка директора, не моя, конечно.

Ю. С.: Понятно.

Б. Р.: Так вот для того, чтобы выступить, нас три месяца тренировала какая-то актриса, она была нанята... Нанята актриса была, чтобы нам готовить капустник. И она нас тренировала с глубочайшим отвращением.

Ю. С.: Да?

Б. Р.: Ну конечно, чувствовалось, что за деньги, ей же платили за это. Ты понимаешь, как мне ее было жалко, как ей было противно на нас смотреть, все это... Ну, вот так-то. Ну и к чему я вспомнил, какие у нас были эксцессы. Я вспоминал, значит, я... о хвостах слоновьих, об одевании-раздевании негров, ну, получилось тоже уже в бытность... Это уже было в году, в пятьдесят, видимо, четвертом, а, 64-м, видимо, году. Я не помню когда, уже в издательстве «Мысль», значит, уже, видимо, в 63-м году. У нас был Георгий Павлович Богоявленский, очень тихий интеллигент и, судя по фамилии, возможно, даже из семьи священников дореволюционных. Вот, и дочь у него была прекрасная, с которой я дружил с ее пятилетнего возраста и сейчас дружу. И вот, значит, Георгий Павлович Богоявленский — тишайший русский интеллигент... А у нас было такое издание «Земля и люди», ежегодник «Земля и люди».

Ю. С.: Помню, помню.

Б. Р.: «Земля и люди», знаешь, да?

Ю. С.: Да.

Б. Р.: Вот, географический календарь. И Георгий Павлович Богоявленский там был одним из главных. И вот пример такого скандала. Что получается, когда человек пишет простыми и искренними словами то, что он видит. Дочь, в общем, Юрия Константиновича Ефремова написала там статью про Азербайджан, как она путешествовала по Азербайджану. И она написала, что Азербайджан... ну конечно, глупость она написала, но это почему-то было опубликовано... «Азербайджанские мужчины похожи на монгольских пиратов, но, в сущности, очень добродушные люди». И это было напечатано. А постпредство Азербайджана позвонило, устроило скандал, ведь у нас же были постпредства, они потом плавно в посольства преобразовали, знаешь, что у нас все регионы, все республики имели в Москве постоянные представительства и сейчас они у нас... постпредство Татарстана было, сейчас оно существует огромное около Таганки. Вот всё — скандал,

страшный скандал.

Ю. С.: А скажите, как же это могло выйти? Вот ваше отношение с Главлитом? Это же еще центр должен...

Б. Р.: Да. Конечно, но Главлит это пропустил, не заметил, это же бывают такие случаи...

Ю. С.: Вот с Главлитом какие отношения были?

Б. Р.: Ну, какие, в общем...

Ю. С.: Формальные... вот вы редактор...

Б. Р.: Я тебе так скажу, что мы были выдрессированы, у нас была внутренняя цензура. Каждый из нас прекрасно понимал, что можно писать, чего нельзя. Я и сейчас это примерно понимаю по нынешним временам.

Ю. С.: Ну, то есть сначала был редактор, а потом посылались в Главлит?

Б. Р.: Да. Но редактор ни за что не отвечал.

Ю. С.: Как ни за что?

Б. Р.: Нет, отвечал Главлит, что он пропустит. Там была такая... Я тебе скажу так. Прежде всего, ни за что не отвечал автор, ни за что, автор — это ребенок, понимаешь, мало ли, что он напишет. Вот главный редактор уже отвечает, главный редактор, его уже посадить могут. И Главлит тоже, если пропустит... а автор — сам по себе. А вот редактор моего типа, по-моему, ни за что не отвечает.

Ю. С.: Ну хорошо, а вот вы... вы отредактировали книгу, да? Дальше это посылается в Главлит?

Б. Р.: Нет. Это, конечно, смотрит заведующий редакцией, он все проверит.

Ю. С.: А потом Главлит?

Б. Р.: Нет, потом, это, видимо, смотрит главный редактор, но он же заверяет заведующего.

Ю. С.: Ну хорошо, третья ступень, а потом Главлит.

Б. Р.: Ну, а дальше уже Главлит.

Ю. С.: Понятно. А если у Главлита есть замечания?

Б. Р.: Ой, конечно, боже мой...

Ю. С.: То спускается до вас или как?

Б. Р.: Да, он смотрит... Главлит смотрит в каком виде? Он же не книгу, он же смотрит верстку...

Ю. С.: Спускается к вам замечание?

Б. Р.: Конечно, он смотрит даже не первую верстку, а уже вторую, потому что он должен быть уверен, что текст близок к окончанию. И Главлит, конечно, вымарывает. Чем руководствуется Главлит? Я не знаю, слышно, что я говорю далеко от микрофона?

Ю. С.: Слышно, слышно.

Б. Р.: Ну вот. Значит, чем руководствуется Главлит? Главлит, прежде всего, руководствуется перечнем, перечень в зеленом переплете, толстая книга — четыреста страниц. Там все написано, чего нельзя. Ну, этот перечень я не читал, ну, так в руках держал. Последний пункт этого перечня гласит: категорически запрещается упоминание Главлита. Значит, не только он все засекречивает, но и самого себя. Но это еще не все. Там в главе читаешь, что цензор должен руководствоваться общими идеологическими соображениями, что он должен и сам понимать, что можно, чего нельзя... И под это как-то попали волки, когда Забелин, физико-географ, написал: «За что мы ненавидим волка, за то, что он хочет съесть твое мясо, которое хотим съесть мы». Ну, элементарное рассуждение об охране природы, о месте человека в животном мире, все. Главлит не пропускает. Тетка из Главлита говорит: «Я не хочу, чтобы меня сравнивали с какими-то волками»... все, все, не пропускает. Это пример того, когда цензор из Главлита действовал сверх инструкций, но по чутью... своему. Ну вот, значит, что вот эта вот история... Да... вот написала, значит, Ланка Ефремова такую глупость, конечно: похожи на монгольских пиратов. Какие пираты могут быть в Монголии? Глупость, конечно. Ну, почему-то это прошло, это прошло уже в готовой книге, по-моему, она вышла уже — никакого вымарывания... это было невозможно. А из постпредства звонят, если бы не азербайджанцы, никто бы этого не заметил. Но там-то следят, они же для чего-то держат своих чиновников, для чего-то штат существует. Видимо, одна из работ постпредства была в том, чтобы все освещать, все, что пишут об Азербайджане, все освещать, составлять доклады, отчеты, ну вот, обзоры составлять. Ну вот, значит, тут такой скандал, такой скандал, ну результат такой. Георгия Павловича, значит... он, по-моему, вообще поседел, в общем, там что-то было такое. Его отправили в больницу, с ним был инфаркт, в больнице на него накинлись врачи, которые сразу нашли у него множество болезней... ну, лет 55 было ему, не так уж мало ему было лет. Стали от них что-то лечить, потом у него нашли вроде психическое заболевание, и он там умер, умер он, наш любимец Георгий Павлович Богдавленский! И дочь его, дочери его было шестнадцать лет, она рыдала на похоронах уже со своим бойфрендом. Потом я...

Ю. С.: А...

Б. Р.: Хоронили на Ваганьковском...

Ю. С.: Богдавленский-то причем? Ведь он же не редактор...

Б. Р.: Он главный редактор журнала.

Ю. С.: А!..

Б. Р.: Как его? Вот этого сборника «Земля и люди», ну да. А как он это пропустил? А ей... автору ничего... Автор — как младенец, он безответственный, неменяемый.

Ю. С.: То есть из-за такой глупости.

Б. Р.: Н-да, ну, глупость, конечно. Вот так вот...

Ю. С.: Человек умер из-за глупости.

Б. Р.: Да, я не говорю, что он именно от этой глупости умер, я это все так художественно утрирую, но это, видимо, он же в больницу попал не случайно. Он попал именно этой осенью в больницу и там умер. На нем это очень отразилось плохо. Ну, вот это вся история. Ну, я думаю, на этом драматическом событии мы сегодня закончим.

Ю. С.: Ладно. Хорошо.